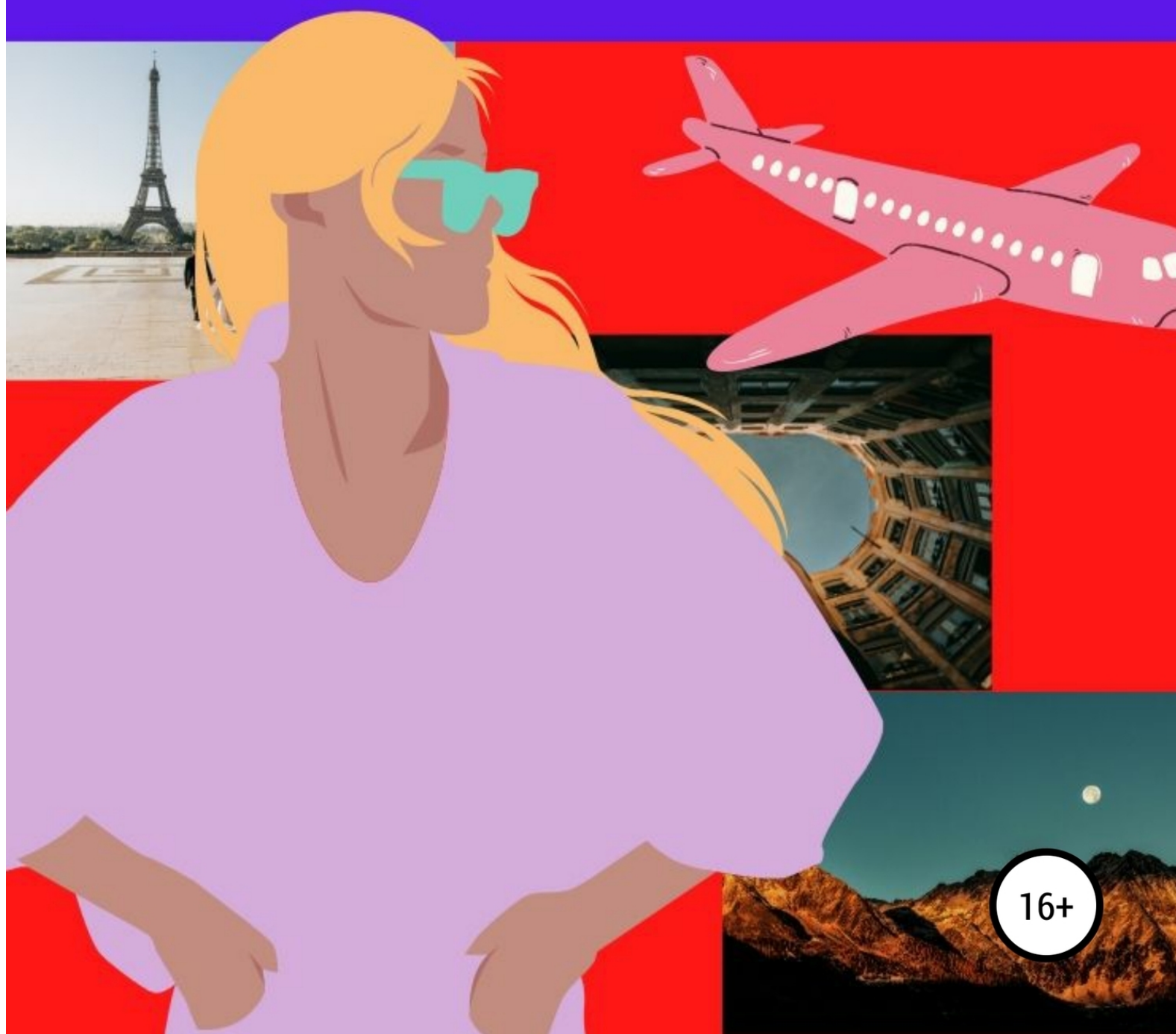

ААЛИНА ИЛЬИНА

ЭРА БЕСПОКОЙНЫХ ЖЕНЩИН ИЛИ \$100000000 ЗА ЗНАКОМСТВО

МОРЕ ЮМОРА И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Алина Ильина

**Эра беспокойных женщин
или \$10 000 000 за знакомство**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ильина А.

Эра беспокойных женщин или \$10 000 000 за знакомство /
А. Ильина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Не блещущая красотой и интеллектом сорокалетняя девственница Маргарита Дунь по совету подруг размещает свои фотографии на сайте знакомств. Она ни на что не рассчитывает, но неожиданный телефонный звонок переворачивает ее жизнь. Маргарита узнает, что в далекой Японии потомок самураев увидел ее фото в интернете и разрыдался. Японец не мог без сострадания смотреть на несчастную женщину, не испытавшую счастья замужества. Поэтому он завещал Маргарите все свое состояние, считая, что деньги способны компенсировать красоту и другие недостатки. Наследница получает 10 000 000 долларов и возможность осуществить свои мечты. Она пытается стать похожей на леди из ее любимых дамских романов, только все у нее выходит не так как у людей... Даже исторические заметки, которые она пишет в надежде прославиться, повергают читателей в шок. Что ожидает забитую провинциалку? И получит ли признание исторический труд Маргариты, утверждающей, что именно женщины двигали цивилизацию вперед?

Содержание

Глава первая. Я и мое фото	5
Глава вторая. Приятные неожиданности и неожиданные приятности	9
Глава третья. Первая попытка стать красавицей	14
Глава четвертая. Вторая попытка стать красавицей	19
Глава пятая. Сумасшедший день	24
Глава шестая. Второй сумасшедший день и сумасшедшая ночь	30
Глава седьмая. Продолжение сумасшедшей ночи	36
Глава восьмая. Тайна старого замка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава первая. Я и мое фото

Для начала – коротко о себе. Мне сорок. У меня расплывшаяся фигура, маленький рост, короткие руки и ноги, жесткие черные «еврейские» волосы, и глаза-щелки, которые смотрят на мир, стараясь определить свое место в нем сквозь массивные очки, то и дело спадающие с мясистого носа. Кроме всех вышеперечисленных достоинств я имею маленькую трехкомнатную квартирку, скучную работу в библиотеке и несколько необычное имя – Маргарита Сергеевна Дунь. Впрочем, две мои разведенные, вечно молодящиеся подруги, Ида и Юлия, озабоченные собственной фигурой, поиском финансов и выгодной партии, всегда зовут меня ласково – Ритуля, что мне весьма импонирует и заставляет воспринимать окружающую действительность не так мрачно.

Мужа у меня нет, и никогда не было, да и вообще, как бы это сказать... Я не хочу, чтобы об этом узнали мои знакомые, а тем более мои приятельницы, перед которыми я всегда разыгрывала роль дамы с некоторым сексуальным опытом, но на самом деле я... девственница. Конечно, вы можете спросить, как мне удалось сохранить невинность в наше бурное время, когда сексуальная революция, сокрушая былые устои, с победоносным видом прошествовала по всей стране? Отвечу, что, очевидно, она, словно разнузданная кобылица, проскочила мимо меня, потому что я хожу всегда неторопливо и не люблю смотреть по сторонам. Подруги уверяют меня, что именно поэтому я не замечаю множества весьма приятных особей мужского пола, которыми просто кишит наш городок. Но в этом я с приятельницами не согласна. Замечаю, и довольно часто, просто они производят на меня отнюдь не приятное впечатление. Хотя вполне возможно, что бомжи в подъезде или алкаш, живущий прямо подо мной, не относятся к тем экземплярам, на которые положено обращать внимание. Поэтому я одна. Чтобы хоть как-то заполнить брешь в личной жизни, я читаю любовные романы, начиная с Маргарет Митчелл, и заканчивая нашими современницами. Благо, что при моей работе у меня для этого есть и время и возможность. Я рыдаю над незатейливыми похождениями любвеобильных героев, а точнее над собственной не сложившейся жизнью, в которой ничего подобного не было, и не может быть. Свое пристрастие к такого рода чтиву, я довольно успешно скрываю от подруг, так как они считают себя интеллектуалками, и пришли бы в ужас, застав меня за очередным романом Даниэллы Стилл.

Впрочем, моя история не началась бы, если бы в мою жизнь не вмешались Ида и Юля. Поэтому считаю своим долгом представить их во всей красе. Тем более что женщины они весьма интересные и не лишены определенного шарма. Высокая плоская Ида, полностью Аделаида Николаевна Неверова, которой недавно стукнуло сорок пять, всегда напоминала мне перемороженную камбалу не только своей фигурой, но также манерой постоянно косить глаза в одну сторону. Она носила каре и очки, заведовала кафедрой права в местном университете, и была человеком крайне занятым и очень серьезным. Скорее всего, по этим самым причинам ее и оставил муж. Юлия, или точнее Юлия Марковна Аверсон уже дважды удачно выбравшаяся из брачных силков, представляла собой нечто среднее между Мерлин Монро и Наоми Кэмпбел. Точнее определить особенности ее внешности я затрудняюсь, по той простой причине, что она изменяла ее практически каждую неделю. Возможно, что ее браки распались по этой самой причине. Как утверждает ее соседка, последний из супругов точно ушел из дома, потому, что постоянно заставлял в своей квартире незнакомую, как он утверждал, женщину. Работала Юлия Марковна в самой обычной школе, самой обычной учительницей географии. Ида и Юля страшно меня любили, и чрезвычайно переживали из-за моей неустроенной личной жизни.

– Ритуля, обычно обращалась ко мне Аделаида, допивая третью чашку чая (она всегда пила зеленый чай, который, по ее мнению, способствовал пищеварению), – тебе нужно серьезно подумать над твоим имиджем. Иначе ты никогда не выйдешь замуж.

– Но я и не хочу замуж, – пыталась возражать я.

– Каждая уважающая себя женщина просто обязана сходить замуж, хотя бы для собственного самоутверждения. Никогда не помешает легкий адюльтер. Скажи, когда ты предавалась любовным утехам в последний раз?

– ...

– Вот, ты даже сама этого не помнишь. Говорю: тебе надо меняться. Мужчины любят независимых, уверенных в себе женщин, имеющих собственный стиль. Глядя на тебя можно подумать, что ты готова броситься на шею первому встречному, и провисеть на ней до конца его дней.

При этом Аделаида умалчивала о том, почему ее оставил муж вместе с ее независимостью. Более того, она утверждала, что сама бросила супруга, по причине его недостаточного интеллекта.

Пространные разговоры о моем недостойном поведении были в стиле Аделаиды (черт дернул ее мать дать дочурке такое имечко) и могли продолжаться очень долго. Пока подруга читала очередную лекцию, я предавалась мечтам. Подобно героиням прочитанных мною книг, я видела себя то на роскошной вилле, то в ослепительно белой яхте, качающейся на волнах Адриатического моря. Еще я представляла, как сделаю пластическую операцию, и превращусь в стройную брюнетку с осиной талией, роскошной грудью и очаровательной улыбкой. Но больше всего мне хотелось попробовать устриц и лангустов, или, на худой конец, посмотреть, как они выглядят.

Стиль Юлии был менее назойлив. Она просто-напросто таскала мне сумками косметику и всевозможные прикиды, щебеча, как они модны и как замечательно я буду в них смотреться. Почти все, что она приносила, я раздавала знакомым, оставив себе лишь несколько платьев, которыми любовалась на праздники, не решаясь их надеть.

Так продолжалось много лет, и возможно, мне пришлось бы до самой смерти наслаждаться советами моих мучительниц, если бы в освободившуюся от науки во время летнего отпуска голову Аделаиды не пришла потрясающая идея. Так или иначе, душным августовским днем, когда листья у цветов на подоконнике скрючивались от жары, словно столетние старухи, мои приятельницы ввалились ко мне в квартиру, и сразу же заполнили ее множеством пакетов и сумок.

– Ритуля, строго сказала Ида, – кажется мы у цели. – Мы решили прибегнуть к помощи Всемирной паутины, и поместить твою фотографию на одном из соответствующих сайтов. Не спорь, – сказала она, увидев, что я собираюсь открыть рот. – Иначе ты никогда не устроишь свою личную жизнь.

Тут Аделаида стала извлекать из сумок и пакетов театральный реквизит. Кстати сказать, театральным его посчитала только я, а мои доброжелательницы совершенно серьезно стали облачить меня во все, что принесли. Сначала мне на голову воодрузили огромный белокурый парик, который то и дело съезжал на брови, затем напялили алую блузу с декольте, из которого вываливалась грудь. Кроме того, на меня были одеты укороченная до неприличия юбка и туфли на платформе.

– Ритуля, ты необыкновенно выглядишь, – почти в один голос пропели мои приятельницы.

Я стояла посреди комнаты, переминаясь с ноги на ногу, и старалась не смотреть в зеркало, чтобы не упасть в обморок, узрев в нем тот ужас, в который была одета.

– Ид, а может мне лучше в купальнике? А?

Ида на мгновение задумалась, но затем решительно изрекла.

– Идея сама по себе не плоха, но фигура у тебя подкачала. Так что стой так. Да, чего-то все-таки не хватает. Юля, как ты думаешь?

Юля согласно закивала головой, отколола от платья огромную черную брошь, усыпанную красными стекляшками, и прикрепила ее на блузу, как раз в том месте, где должно находиться сердце.

– Вот теперь порядок, – констатировала Аделаида.

Она несколько раз щелкнула фотоаппаратом, после чего мне было позволено облачиться в мой любимый выцветший халат в лилово-розовый цветочек. Немного потрепав, приятельницы покинули мое жилище, а я засела за исторические заметки под названием: «Влияние женщин на общеисторические процессы». За такую объемную работу я принялась по совету той же Аделаиды, которая утверждала, что написание подобных трудов положительно влияет на развитие мышления и улучшение материального достатка. Я вняла ее уговорам и взялась за титанический труд. На притяжении моих заметок я доказывала, что именно женщины двигали вперед цивилизацию, а мужчины только шли у них на поводу. Но книга у меня продвигалась неважно, потому что приходилось целыми днями торчать в библиотеке, а вечером хотелось полежать на диване и почитать любимые романы. Но я не привыкла бросать начатое дело на полпути.

Несколько самых удачных глав я решила представить на ваш суд, тем более, что они так или иначе касаются изложенных событий. Итак, *«Общие сведения об амазонках и изобретении колеса»*.

Племена амазонок, считающиеся лишь порождением фантазии древних греков и скифов, вероятнее всего существовали на самом деле, чему есть подтверждение во множестве исторических источников. И если отбросить в сторону все словесные наслоения и домыслы древних историков, ставящих под сомнение женскую эмансипацию в самый разгар патриархата, то перед нами предстанет вполне реальная картина. Женщины, устав от произвола мужей и государства, управляемого теми же самыми мужьями, уходили из семей, создавая свои собственные поселения, куда мужчины допускались лишь для продолжения рода. Причем рождение девочек приветствовалось, тогда как рождение мальчиков считалось позором. Мужчина, у которого появлялось более трех сыновей, изгонялся из племени, поскольку ни одна из амазонок не решилась бы разделить с ним ложе. Отсюда и сохранившееся по сей день поверье, что для создания женского потомства требуется больше искусства.

Мужчины в поселениях выполняли самую простую работу, в связи с тем, что амазонки не допускали их даже до приготовления пищи, считая малопригодными для такого ответственного дела. Вскоре обязанности сильного пола стали сводиться только к выполнению супружеского долга.

Со временем, мужчины, массово оставляющие свои жизни на полях многочисленных сражений, а силы в борьбе за поглощение вина в непомерных количествах, стали цениться на вес золота. И чтобы найти мужей, амазонки, сбросив одежды, носились на своих лошадях по окрестностям городов, привлекая внимание особей противоположного пола. Увидев зазевавшихся потенциальных женихов, они пускали своих коней галопом и пытались захватить добычу. Мужчины разбегались в разные стороны. И нет ничего удивительного в том, что амазонкам доставались самые захудалые и ленивые экземпляры. Дамы взваливали их на крупы лошадей и увозили в свои дома.

В те времена, когда невинные любовные прелюдии часто переходили в сумасшедшие оргии, где похотливые амазонки не позволяли отдохнуть своей добыче, плененные мужчины прятались от своих мучительниц в зарослях олив произрастающих на берегах теплых морей. Но озабоченные продолжением рода воительницы, не могли смириться с ленью своих мужей, а поскольку на поимку новых у них не было времени, они продолжали требовать исполнения супружеского долга от старых.

Одна из амазонок, прозванная Немиресией, проскакав несколько сотен стадий после кровопролитного сражения, сделала возле своего дома сальто и, влетев, таким образом, в окно,

оказалась на своем муже, мирно дремавшем на супружеском ложе. Издав боевой клич, который всегда издавали при удачно завершившейся охоте на носорога, она приставила боевой нож к горлу незадачливого супруга. Мужчину (имя его история не сохранила) испуганно закричал, приняв возлюбленную жену за богиню гнева, и попытался уползти в темный угол. Супруга, пригрозив оставить мужчине без языка, стянула с него тунику и принудила к выполнению тех самых обязанностей, которых он старался избегать. Через девять месяцев у нее родился сын Неофал, такой же угрюмый, как отец, но еще более ленивый. Целыми днями он лежал под сенью олив, щурясь, глядел сквозь их листву на солнце, ничего не хотел делать по дому, а уж тем более жениться и использовать свой главный орган по назначению, то есть для производства потомства. Не раз мать пыталась научить его уму-разуму, стегая плетью, но результат ее усилий был нулевым. Выдержав в очередной раз несколько десятков ударов, он снова отправлялся возлежать под оливы. Так продолжалось довольно долго, пока в одно из восхождений Авроры, Немиресия не заметила под оливами странное сооружение, к которому были прикреплены два кругляка. Сооружение медленно двигалось вперед, благодаря коню, к которому и было крепко-накрепко привязано.

– Дрянной мальчишка! – в ярости закричала разгневанная амазонка. – Вместо того чтобы построить дом и жениться, ты решил опозорить меня перед подругами! Ты захотел, чтобы они смеялись надо мной, и поэтому сотворил подобное чудовище!

Только Немиресия собралась задать сыну очередную хорошую трепку, как тот вскочил на колесницу (это бала она), и помчался прочь от матери. Той долго пришлось скакать за ним, пока, решив не терять больше время попусту, она махнула на сына рукой. Вскоре примеру Неофала последовали другие мужчины. Им так успешно удавалось скрываться от своих жен и настолько редко исполнять супружеский долг, что вскоре племя амазонок прекратило свое существование.

Глава вторая. Приятные неожиданности и неожиданные приятности

Прошло больше года, и я давно забыла об интернете и фотографиях, все так же продолжая коротать время за романами и историческими заметками. Дождливое утро сентябрьского понедельника застало меня лежащей на диване в позе увядшего лотоса. Настроение у меня было самое скверное, поскольку зарплата ожидалась не ранее, чем через неделю, а денег оставалось на три дня.

Из раздумий как мне жить оставшиеся четыре, меня вывел телефонный звонок.

Я с трудом перевела свое тело в вертикальное положение, взяла телефонную трубку и загробным голосом произнесла:

– Але. Я слушаю.

– Госпожа Дунь? – прочирикал незнакомый женский голос с легким акцентом.

– Да, я.

– Просим вас срочно прибыть в адвокатскую контору «Восточный экспресс». Записывайте адрес.

Голос продиктовал мне адрес, а когда я спросила, по какому вопросу им понадобилась, он снова мило прочирикал:

– О, госпожа Дунь, вы счастливая женщина, очень счастливая. Многие люди могут очень позавидовать вам. Вы стали богатой наследницей.

Голос сменился короткими гудками. Счастливой женщине никак не хотелось выползть в такую мерзкую погоду из своей норы, но наследство было как нельзя кстати: тысяч эдак тридцать или сорок, которые я надеялась получить от двоюродной тетки. Правда старая карга была на редкость живучей, и на своем восьмом десятке бегала резво, как рысак, и я никак не рассчитывала на ее скорую кончину. Но видно где-то там наверху услышали мои мольбы: тетка получила место в раю, а я — долгожданное наследство. Поэтому, напялив выцветшую кожаную куртку и сапоги на десятисантиметровой шпильке, я отправилась в эту треклятую контору, которая, как оказалось, находилась у черта на куличках. Если конкретнее — на противоположном конце города, на седьмом этаже серого девятиэтажного здания, в котором, как это обычно у нас бывало, не работал лифт.

По дороге я насквозь промокла, и, когда ввалилась в офис, вид у меня был злой и голодный. Скорее я напоминала медведицу после зимней спячки, а не богатую наследницу. В конторе, которая состояла из двух небольших комнат, находилось четыре человека. Люди в последней комнате, (их лиц я не разглядела, а видела только некоторые торчащие части тела), мне оказались не нужны. В первой же, порог которой я переступила, за новехонькими столами сидели два человека восточной внешности: солидный господин с блестящей лысиной в строгом черном костюме и маленькая хрупкая черноволосая женщина с каре, в облегающем синем платье по колено.

– О, это вы и есть госпожа Дунь? – лучезарно улыбнулась мне женщина, обладательница того самого чирикающего голоса.

– Ага, я и есть, – тяжело дыша, после преодоления препятствия в семь этажей

прохрипела я, и тут же упала на стоявший у входа стул с рябой обивкой.

Но, то ли от тяжести моего тела, то ли от того, что изжил свой век, стул затрещал, ножки его подкосились, и, увлекая меня за собой, рухнул на пол.

– О, госпожа Дунь, – еще более лучезарно улыбнулась девушка, помогая мне подняться, мы очень извиняемся за все неудобства, просим вас садиться в кресло и внимательно нас слушать.

Тут, совсем не желая того, я прошлась по поводу матери плотников, которые изготовили стул, а заодно и господ, поставивших его в офисе.

Девушка, продолжая растягивать рот в улыбке, и, очевидно, не до конца владея тонкостями русского языка, отреагировала на мою реплику весьма своеобразно.

– О, вы ошибаетесь, госпожа Дунь. – Наследство, о котором мы говорим, не от матери, то есть не от вашей матери. Вот господин Акагава вам все объяснит. Лысый маленький человек, сидящий в глубине офиса, кивнул и залопотал что-то, верно по-японски или по-китайски, так что девушка едва успевала переводить.

Из ее сбивчивой речи я уловила такую информацию. Некий японец весьма преклонного возраста увидел мою фотографию во Всемирной паутине и разрыдался. Я, видите ли, напомнила ему покойную мать, далеко не блещущую красотой и поэтому не испытавшую всех прелестей брака. Так как красоту, по его мнению, вполне могут компенсировать деньги, а потомства господин не нажил, он и решил завещать мне все свое состояние – десять миллионов долларов. Он надеялся, что с такой суммой я вполне могу подыскать для себя хорошую партию, поскольку от претендентов на руку и сердце в таком случае не будет отбоя. При этом лысый поклонился и сказал, что первым согласен стать кандидатом в супруги, и что благодаря такому наследству, он сделает меня самой счастливой женщиной на земном шаре. Я ответила, что подумаю, и подписала бумаги, смысл которых мне перевела чирикающая девушка. Бумаг было не очень много, и я подмахивала их, не глядя, в полной уверенности, что влипла в какую-то авантюру. Лысый продолжал улыбаться и смотреть на меня глазами нашкодившего пуделя.

– Не будет ли у госпожи Дунь пожеланий или распоряжений? – снова растягивая губы в улыбку-полумесяц, спросила переводчица.

Из-за того, что мне очень хотелось есть, я, моргнув пару раз, нагло произнесла.

– А как же, будут. Не одолжите ли вы мне сто долларов. Отдам в день получения наследства.

– Конечно, конечно, госпожа Дунь, – девушка достала из кошелька зеленую бумагу и протянула мне.

Я ухватила ее, как хватает слегу, утопающий в болоте, проглотила слюну, медленно поднялась с кресла, и, тяжело переваливаясь с боку на бок, словно утка, спешащая отложить яйцо, стала следовать к выходу.

– Госпожа Дунь, – окликнул меня чирикающий голос.

Внутри у меня так и похолодело. Неужели потребует несчастные сто долларов обратно? Черта с два я ей их отдам. Мало того, что передо мной разыграли целый дурацкий спектакль, выставив меня клоунессой, так и деньги, которые я честно заработала, хотят отобрать. Не выйдет. Ни минуты не сомневаясь, что участвую в каком-то идиотском розыгрыше, я прибавила прыти и услышала за спиной.

– Госпожа Дунь, вы забыли сумочку.

Девушка протягивала мне мою подранную сумку. Ухватив ее, я кивнула на прощанье присутствующим, и, захлопнув входную дверь, во всю прыть понеслась по лестнице. Больше всего я боялась, что меня догонят и отберут сто долларов – практически половину моей месячной зарплаты. Но никто меня не останавливал, и я, обменяв заграничную валюту на родные рубли, направилась в ближайший супермаркет.

От обилия продуктов у меня сразу стала кружиться голова и сосать под ложечкой. «Ну, наконец-то я наемся досыта», – пронеслось у меня в голове. И в мою тележку полетели самые невообразимые продукты, о которых раньше я могла только мечтать: икра красная, креветки, карбонад, а также десяток дорожущих котлет, которые я только раз пробовала на дне рожде-

ния у Юли. Отдав за деликатесы третью часть полученной суммы, я почти бегом побежала домой, и, вывалив на стол всю снедь, не раздеваясь, стала запихивать в рот кусок за куском. Заглотив приличную долю моих покупок, я наконец-то сняла с себя сапоги и куртку. На меня сразу снизошло философское настроение, и я стала рассуждать. Что ни копейки из так называемого наследства мне не достанется, я нисколько не сомневалась. Если оно и в самом деле существовало, то не мудрено, что такие деньжищи сразу кто-то прибрал к рукам. Хотелось бы знать, что я на самом деле подписала. Хорошо, если не смертный приговор или дарственную на квартиру. Ну, ничего. Главное, что пока я жива, сыта и у меня есть крыша над головой. Успокоив себя таким образом, я улеглась на диван, и предалась своему любимому занятию – чтению любовных романов.

Несколько дней меня никто не беспокоил, и я уже стала жить в полной уверенности, что все мои злоключения остались позади. Но я рано радовалась. Как оказалось, Фортуна решила круто изменить мою жизнь, направив ее в совершенно иное русло. В конце недели, в самое неподходящее время, а именно тогда, когда я уже разделась и собиралась принять ванну, от этого важного занятия меня оторвал телефонный звонок. С трудом сдерживая раздражение, я кое-как обмоталась полотенцем и подошла к телефону.

– Госпожа Дунь? – при звуках знакомого голоса сердце мое ёкнуло и ушло куда-то в пятки. – Вы можете получить деньги уже сегодня.

– Ка-какие деньги? – заикнулась я.

– Десять миллионов долларов – ваше наследство. Счет на ваше имя открыт. О, если вас не затруднит, прошу вернуть сто долларов. Я зарабатываю не слишком много денег. Всего доброго, госпожа Дунь.

Раздавшиеся в трубке гудки заставили меня вернуться к реальности, от которой во мне все похолодело. Если бы волосы на моей голове были не такими короткими, то они поднялись бы точно так, как змеи на голове медузы Горгоны. Мысли проносились в моем мозгу, путаясь, и обгоняя друг друга. Сумма в десять миллионов долларов казалась мне такой огромной, что об обладании ей страшно было даже подумать. Мне стали мерещиться ужасы в виде грабителей с окровавленными финками, похитителей, которые жгут мою кожу раскаленным утюгом и требуют деньги, деньги, деньги. В общем, через некоторое время я обнаружила себя совершенно голый в белье в шкафу среди старых блузок и платьев. В дверь моей квартиры, что было мочи, колотили, испуская при этом страшные вопли попеременно с нецензурной бранью. Нацепив на себя первое попавшееся платье, я поторопилась ее открыть. Передо мной стоял сильно подвыпивший сосед, с выпученными глазами и перекошенным лицом.

– А что ты, Ритка, мать твою, мне всю квартиру затопила! Кто за ремонт платить будет, я спрашиваю? – заорал он на меня, и мне показалось, что его глаза вот-вот вылезут из орбит.

Я схватилась за голову. Полностью уйдя в переживания, я совершенно забыла, что не отключила воду в ванной.

– Ну что зенки на меня вылупила? Гони тыщу, а то по судам затаскаю.

– Тысячу долларов?

Тут глаза соседа пришли в нормальное состояние. Он ошалело посмотрел на меня и покрутил пальцем у виска.

– Каких долларов, дурра! Телевизора что ль обсмотрелась? Где ты их у нас видела, доллары? Рубли гони, давай.

Я протянула ему одну из оставшихся от ста долларов тысячу рублей.

– Вот. Больше у меня нет.

– А мне больше и не надо, – сосед понюхал купюру, помял ее в руках, – Не фальшивые? А то говорят, у нас теперь фальшивых полно. Ну ладно, теперь в расчете.

Он ушел, насвистывая, а я опять оказалась наедине с моими терзаниями. Ночью меня мучили кошмары. Мне снилось, что я бегу по улице вместе с другими людьми, спасаясь от

настигающей нас лавы. Приглядевшись, я замечаю, что это вовсе не лава, а поток золотых монет. Они сыплются с высокой горы, и текут – текут рекой, стараясь обогнуть толпу справа и слева. Некоторые люди останавливаются, пытаются схватить хотя бы горсть монет и бежать дальше. Но золотая лавина настигает их, и безжалостно хоронит под тоннами металла. Попутчиков становится все меньше и меньше. И, наконец, я остаюсь одна, чувствую, что вот-вот меня постигнет общая участь и просыпаюсь. Страх постепенно отпускает меня, и я начинаю понимать, что у меня есть деньги. Много денег. Очень много. Хотя я не могу поверить, что это правда.

Я пока не знала, что мне делать с такой огромной суммой, и первое, что мне пришло в голову на следующий день – позвонить Иде и Юле и сообщить им приятную новость. Как-никак они были причастны к такому повороту событий. Поэтому я решила сделать им сюрприз – пригласить на ужин в самый дорогой из трех имеющихся в городе ресторанов. Первой я набрала номер Иды.

– Наконец-то ты завела приличного любовника, – порадовалась за меня Ида.

– Лучше.

– Ты получила большую премию?

– Не угадала. С каких это пор в нашей шарашкиной конторе можно было получить премию, да еще большую?

– Отдала концы твоя тетка, и ты стала наследницей?

– Почти в точку.

Мы договорились встретиться в милый субботний вечер, за очень милым столиком ресторана «Мама миа».

Через несколько часов в своем лучшем платье, блестящем и фиолетовом, я восседала за столиком, покрытом ослепительно-алой скатертью. Мимо меня бегали официанты в таких же ослепительных рубашках, разнося дразнящие обоняние кушанья. Когда вся компания бала в сборе, я сделала широкий жест. А именно, как ни в чем не бывало, кинула подругам:

– Ну, девочки, что будем кушать? Я угощаю.

От угощения на халяву никто, естественно, отказываться не собирался, и девочки, которые в отличие от меня иногда посещали рестораны с очередными мужьями или любовниками и знали толк в блюдах, решили устроить праздник живота. К сожалению, ни лангустов, ни устриц в нашем ресторанчике не оказалось. Поэтому мы ограничились салатами из морепродуктов, отбивными и невообразимыми десертами из мороженого и еще черт знает чего, чего я раньше не пробовала.

– Ну, колись, – сгорая от нетерпения, затараторила Юля. – Насколько ты разбогатела?

– На десять миллионов долларов, – не моргнув глазом, ответила я.

Креветка, которую в это время попыталась проглотить Ида, застряла у нее в горле, и мне пришлось хорошенько ударить подругу по спине.

– Ты уверена? – прохрипела она, с трудом отправив лакомство в желудок.

– Хм, я разве давала тебе когда-нибудь повод сомневаться в моих словах?

– Я сомневаюсь не в твоих словах, а в сумме. Ты уверена, что получила такие деньги?

– С недавнего времени – нисколько.

За нашим столиком повисла продолжительная пауза, после которой Ида посмотрела на меня как на сумасшедшую и размеренно произнесла:

– Ритуля, ты давно не была в отпуске и тебе просто необходимо отдохнуть. Съезди в Египет. В крайнем случае, – в Турцию. Это недорого. Если что, материально мы всегда поможем.

Я, не торопясь дожевала отбивную, вытерла салфеткой рот, немного приосанилась и сказала речь, к которой готовилась несколько часов.

– Девочки, дорогие девочки! Я должна поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали. Если бы не ваша идея о размещении моей фотографии в Интернете, я бы никогда не стала

наследницей такого состояния. Я бы не удостоилась любви одного очень богатого человека, который скончался, так и не дожив до нашей встречи. Но зато он завещал мне все свои деньги. Теперь я вправе распоряжаться ими как захочу. Спасибо вам, девочки!

В подтверждение своих слов я показала все бумаги.

Вторая пауза была более продолжительной. Ее снова прервала Ида. Голосом воскресшего мертвеца она сказала:

– Мы рады за тебя, Ритуля.

– Очень рады, – словно заводная кукла, закивала головой Юля.

– Если ни секрет, – продолжила Ида. – Как ты собираешься распорядиться деньгами?

– Я еще не думала об этом, – ответила я и спохватилась. Ведь, действительно, я еще не грезилась о той замечательной жизни, которая меня ждет. Во-первых, я брошу работу. Во-вторых... Что будет во-вторых я не успела додумать, потому что мои мысли снова прервала Ида.

– Мне кажется, что тебе следует вложить их в недвижимость. Недвижимость всегда остается в цене, а ты – в выигрыше.

– Недвижимость может подождать, – прервала ее Юля. – Сначала мы сделаем из Ритули красавицу. С такими деньгами даже ты можешь преобразиться. Всего несколько пластических операций – и любой мужчина будет твоим.

– С такими деньгами и так любой мужчина будет ее, – мрачно изрекла Ида.

– Ах, в самом деле! Но в любом случае тебе надо привести себя в порядок.

– Делайте что хотите, а под нож я не лягу, – сказала я, испугавшись операции, и решив оставить все свои мечты на эту тему. – Не собираюсь мучиться за собственные деньги.

– Как с тобой трудно! Неужели тебе, как женщине, не хочется быть красивой? – вздохнула Юлия.

– Имея десять миллионов долларов, красивой быть совсем не обязательно, – еще мрачнее изрекла Ида. – Достаточно поместить объявление: «Ищу мужа. Материально обеспечена», как от этой моли не будет отбоя.

– От какой моли? – не поняла я.

– От обычной. Которая летит на все готовое, и имеет два глаза, две ноги, две руки, ну и еще кое-что, что нам так необходимо.

– Аделаида! – возмущенно прервала подругу Юля. – Ты забываешь, в какое время мы живем! Всего через год такой супругец отправит Риту та тот свет, а сам преспокойненько женится на красавице-любовнице, и будет жить-поживать на денежки покойной жены.

Ида призадумалась, а у меня от такой перспективки по коже пробежал легкий мороз.

– Что ты предлагаешь? – немного подумав, спросила Ида?

– Для начала сделать из Ритули ну что-то похожее на даму. А затем не объявлять во всеуслышание об истинной сумме. Думаю, что будет достаточно... ну скажем. трехсот тысяч. И, если уж Рита надумает вступить в брак, надо обязательно заключить брачный контракт.

Я тут же согласилась с Юлей, потому что она была не только красивой, но и очень практичной женщиной.

Глава третья. Первая попытка стать красавицей

На следующий день я держала в руках карту, на которой лежала сумма в 10 000 долларов. Она переливалась самыми яркими цветами, как облачение проститутки на рабочем месте. Я подошла к банкомату и трясущимися руками засунула пластик в щель. Банкомат нехотя проглотил его, немного поворчал, а затем выплюнул деньги мне в руки. Пока я производила манипуляции с банкоматом, Ида и Юля стояли невдалеке, ожидая меня. Ходит по городу одна с деньгами и картой, я опасалась.

– Ритуля, – подхватила меня под руку Юля, едва я сделала несколько шагов в ее сторону. – Сейчас мы сделаем из тебя принцессу!

Вспомнив опыт с фотографией в Интернете, я тяжело вздохнула и решила покориться судьбе, с трудом поспевая за бегущей к магазину косметики подругой.

Чуть не врезавшись в дверь, мы влетели в магазин с непонятным названием «Флорантус». Навстречу нам поднялась девушка с прической медузы Горгоны и загадочной улыбкой Моны Лизы.

– Что желают дамы? – спросила она нежным голоском, улыбаясь еще загадочнее.

– Эээ меле – ме – не, – постаралась вспомнить я название фирм, о которых мне все время долдонили Юля.

– Я знаю, что вам нужно, – не позволила напрягать мне память продавщица. – Это необыкновенное средство от морщин, зуда, ожогов, сухости кожи, целлюлита, гайморита и педикулеза. В подарок еще лаки и гели – вам, как нашему тысячному покупателю, – она достала из под прилавка огромный пакет и поставила перед моим носом. – Всего пять тысяч рублей.

От предложенной косметики исходил такой резкий запах, что меня стало тошнить. Я бы, конечно, сбежала тут же, если бы не Юля. Она не только посоветовала мне взять предложенный товар, но и раскрутила еще на два десятка баночек и коробочек, половину из которых прихватила с собой. В результате из магазина я вышла, шатаясь, как пьяная, и не имея сил на дальнейший шопинг. Приятельница загрузила меня в автобус, который шел прямо до моего дома. Сидевшая рядом со мной бабуля долго кряхтела, а затем изрекла.

– Женщина, вы кому тухлую рыбу везете? Курым? Так они того, такую тухлятину тоже клювать не будут. С такой тухлятиной надо не в автобусе ездить, а пешком ходить.

Вскоре завозмущались и другие пассажиры. Мне пришлось выйти из автобуса и целых две остановки идти пешком. Делать это на шпильках, которые я нацепила по поводу торжественного случая, да еще с огромным пакетом в руках, было, прямо сказать, не очень удобно. Так что к дому я пришла, уже едва передвигая ноги. Молоденький таксист, высунулся из машины, стоявшей в двух шагах от моего подъезда, и пожалел меня.

– Мамаша, вы бы такси взяли. Чего ж так мучиться? Вмиг домчу, куда надо.

– Мне на пятый этаж, – машинально пробурчала я, с ужасом думая о том, что мне придется со всеми коробками подниматься пять пролетов.

– Так давайте тяжести помогу донести. Вы не волнуйтесь. Беру недорого.

Услышав, что с меня собираются что-то брать, я рассказала таксисту все, что о нем думаю, а также о его матери и ближайших родственниках. Не будет в следующий раз под руку лезть к измученной женщине.

Когда я, наконец, оказалась в своей квартире, с меня уже сошли семь потов, и я рухнула на диван, не только не раздеваясь, но даже не разуваясь. Из сумки выпала карта, и тут меня осенило: а на черта я сама все на себе таскаю? Я же теперь богатая женщина! Могу хоть на такси кататься, хоть, в самом деле, носильщиков нанимать. Или лучше завести прислугу, но только чтобы платить поменьше. И тут я снова размечталась. Мне виделось Адриатическое море и белая яхта, на которой мы катаемся вместе с Юлей и Идой. Мальчики – официанты

приносят нам устриц (надо бы их попробовать) и шампанское со льдом. А за бортом искриться море, и резвые дельфины, что-то лопоча на своем дельфиньем языке, выпрыгивают из воды, и вновь погружаясь в нее, плывут, стараясь обогнать белоснежное судно.

Пока я предавалась мечтам, время уже перевалило за полдень, но до конца дня его еще оставалась уйма, и поэтому я решила заняться чем-нибудь полезным и стала распаковывать принесенный пакет с косметикой. Ее оказалось так много, что она не вмещалась в туалетную тумбочку. В холодильнике место скоро закончилось, и несколько тюбиков и баночек, так и оставались лежать у меня на диване. Я позвонила Юле и спросила, что с ними делать. Она сказала, чтобы я не беспокоилась. Косметика быстро уйдет, если ей правильно пользоваться.

– Как правильно?

– Почитай инструкции. Там все написано.

И я принялась читать. Ох, и неблагоприятное это, скажу вам, занятие! Написано во всех вроде одно и то же, но по-разному. Через час я бросила это бесполезное дело, усвоив только, что моя кожа во всех местах скоро станет гладкой и очень мягкой, а сама я помолодею минимум лет на десять. Я стала только читать надписи на коробочках и тюбиках: «для рук», «для ног», «для тела», и мазать эти самые места толстым слоем, так что через некоторое время, стала напоминать снежную бабу, застрявшую в сугробе. А косметические средства, в самом деле, стали быстро убывать. Я почти закончила процедуру, когда услышала стук и крик соседа.

– Рита, открой, разговор есть!

Я открыла, чтобы избежать выломанной двери. Сосед посмотрел на меня выпученными глазами, пошатнулся, икнул и спросил:

– Ты кто?

– Дед Пихто.

– А Ритка где?

– Я за нее.

– А ты кто?

– Ну ты что, ослеп совсем? Не видишь? Я это, я.

– А чего ты белая такая?

– Покрасилась.

– А, тебе идет. А у тебя, что, кошка сдохла?

– С чего ты взял?

– Да воняет, как в морге. Ритуль, займи сотню, очень надо.

Я достала из кошелька сто долларов и протянула ему.

– Это что?

– Сотня, как ты просил.

– Тьфу ты, я ж у тебя человеческие деньги просил, а не доллары. Кто в нашем магазине их примет?

– Нет у меня сейчас человеческих.

– Ну, черт с ними, давай эти. Может, поменяю где-нибудь. Только это, когда верну не знаю... Ну, я пошел, – он испуганно посмотрел на меня.

Я захлопнула дверь перед самым носом алкоголика. Сотни мне было жалко, но мой покой стоил дороже.

Немного отдохнув, я взялась за заметки. Мне было гораздо приятнее заниматься привычным делом. Это успокаивало и настраивало на оптимистический лад. Те более, что не нужно уже было тащиться на работу, а еще я надеялась прославиться: «О том, почему на свете появились ведьмы и рыцари, а также о том, зачем была изобретена косметика».

Устав от мужского произвола, вечно орущих сопливых детей, женщины средневековья были на грани. Не на грани революции, поскольку к революционным действиям они по сути своей не склонны, но на той грани, за которой обязательно должны наступить перемены.

Перемены не заставили себя долго ждать. В прохладный субботний вечер, к весьма почтенной матроне по имени Луиса, обремененной мужем-повесой и восемью дочерьми, находящимися в том возрасте, когда их следует сбывать с рук, явился почтенный синьор. Он очень вежливо раскланялся и предложил выгодно пристроить всех восьмерых в ближайшее время, взамен на такой пустяк, как душа. Заодно он пообещал матроне дать относительную свободу, и сообщить некоторые секреты магии. После некоторых раздумий Луиса согласилась, и тут же получила несколько флакончиков со снадобьями. Вскоре ее дочери и в самом деле обзавелись респектабельными мужьями, а сама матрона приобрела славу гадалки, предсказания, которой всегда сбываются.

Через несколько месяцев после описываемых событий, знатный отец семейства вышел на балкон, дабы подышать свежим воздухом, но, сделав вдох, чуть не поперхнулся, поскольку его взору предстало странное зрелище: за окном, окруженная звездами, висела совершенно голая синьорина. Она держала в руках метлу и покачивалась, как лодка на волнах. Завидев мужчину, женщина хихикнула, и взмыла вверх, показав последнему две тяжелые ягодницы. Отец семейства, наконец, сделал выдох, и поманил летающую женщину к себе, очевидно приняв ее за необычную птицу. Обнаженная, не заставляя себя долго ждать, подлетела к отцу семейства, и со всего маху огрела его метлой.

Раздосадованный синьор, целую неделю прибывал в скверном расположении духа. Но каково же было его удивление, когда ту же самую матрону он увидел в городе, в обществе весьма знатного сановника. Кстати сказать, это и была одна из дочерей Луисы, так удачно вышедшая замуж. И проказничала она уже не первый день, также как ее сестры и мать. Недаром Люцифер (а это именно он посетил Луису), обещал женщинам полную свободу действий. Но свобода – одно, а умение ею пользоваться совершенно другое. Получив возможность творить все, что хотят, женщины пустились во все тяжкие. Если бы они просто летали нагишом по ночам и соблазняли чужих мужей, мужчины, хотя бы и ворчали немного, но могли простить им подобные шалости. Но дело обернулось гораздо хуже. Ведьмы (название происходит от слова «ведать, то есть «знать») насылали порчу на соседей и их скот, всеми силами пытались привораживать чужих мужей и отправлять на тот своих соперниц. Кроме того, каждое новолуние они устраивали кровавые шабаши, жертвами которых становились самые юные и прекрасные представительницы женского общества. Но на этом все беды не заканчивались. Ведьмы, привлекая в свои ряды все новых и новых женщин, уже начинали стремиться к полному господству над противоположным полом, стараясь с помощью зелий и заговоров устранять мешающих им политических деятелей. Дело дошло до того, что была создана группа заговорщиц, задачей которых стала замена Папы Римского на Римскую Маму.

Папа Римский, а вслед за ним и все кардиналы рвали на себе волосы, ища пути искоренения зла. Способ был найден в лице святой инквизиции, которая немедленно приступила к уничтожению заразы. По всей Европе запылали костры, на которых сгорали часто ни в чем неповинные матроны. Уничтожив, таким образом, несколько тысяч душ, попавших на костер по первому доносу, инквизиция не принесла никакой пользы, а ведьмы стали еще изощреннее и злее.

Как ни старалась инквизиция, ведьмы не унимались, а их число достигло небывалых размеров. Более того, каждая уважающая себя матрона мечтала вступить в отряд ведьм и угрожала мужу, что так и сделает, если он не исполнит ту или иную ее прихоть.

Не доверяя большим доносам, отцы церкви стали искать более надежные пути поимки преступниц. Поскольку захватить их во время полетов не было никакой возможности, в связи с отсутствием в те времена летательных аппаратов, инквизиторы придумывали другие способы их обнаружения. Первым признаком считался долгий сон по утрам. Поскольку ведьмы всю ночь летают и устраивают всякие гадости, то утром им необходимо отоспаться. Поэтому каждую матрону, проспавшую более, чем до семи часов утра, хватили за волосы и

волокли к реке. А затем бросали в воду со связанными руками и ногами. Если подозреваемая благополучно тонула, ее считали невинной и хоронили со всеми почестями, если же она имела наглость остаться в живых, то ее волокли на костер.

Благодаря принимаемым мерам, достойные матери семейств, трясясь от страха, не могли уснуть ночами и смежались веки только на рассвете, в результате просыпали часы подъема и оказывались в числе утопленниц. Спустя несколько десятилетий, женское население в Европе значительно поредело, и у мужчин становилось все меньше и меньше возможностей заниматься вопросами детопроизводства не только на стороне, но и в своей семье. Обездоленным отцам семейств и юношам не оставалось ничего больше, как становится странствующими рыцарями, избрав себе даму сердца, добиваться ее благосклонности множеством вымышленных подвигов. Поэтам приходилось воспевать беременных баб, а художникам – рисовать их на своих полотнах, поскольку мало кто из оставшихся женщин хотел иметь детей, выбирая не семейный очаг, а свободу ведьмы.

Страшно подумать, чем могла бы в конце концов закончиться история с ведьмами, если бы в одно из полнолуний к приближенному к Папе кардиналу не явился оборванный парфюмер. Стража долго не хотела пускать его во дворец, но он сказал, что имеет весьма срочное дело к кардиналу, связанное с истреблением ведьм, а точнее средство, которое поможет справиться с распоясавшимися бабами.

– Где же твое средство? – сквозь зубы процедил кардинал, с недоверием глядя на потрепанного мужчину.

– Вот оно, – парфюмер достал из кармана склянку, наполненную зеленоватой массой, а вслед за ней еще две – с желтоватой жидкостью и порошком телесного цвета.

– И что это? – недоверчиво спросил кардинал. – Это и есть твое средство от ведьм?

– Да, монсеньор. Это крем, пудра и духи.

– Хммм, – задумчиво промывчал кардинал. – И как этим ты прикажешь пользоваться? Намазывать ведьму перед сожжением?

– Нет, ваше преосвященство. Они будут намазываться этим сами.

Кардинал посмотрел на парфюмера как на человека, потерявшего рассудок.

– Позовите любую женщину, и вы убедитесь в чудодейственности предложенных мною изобретений, – попросил пришедший.

Во дворец кардинала тут же была доставлена грязная торговка с рынка лет сорока, которая страшно визжала и молила о пощаде в полной уверенности, что ее ждет смерть. Когда ей протянули крем и велели намазать лицо и руки, женщина завывала еще громче, умоляя ее сразу утопить, не мучая. Но под давлением стражи была вынуждена использовать крем по назначению. Каково же было удивление, присутствующих, когда через несколько секунд кожа ее разгладилась, стала бархатной, а она сама помолодела и похорошела настолько, что сам кардинал велел увести ее подальше, дабы не впасть в грех.

– Колдун! – закричал на аптекаря разгневанный кардинал. – Да тебя самого следует сжечь вместе с ведьмами.

– Не торопитесь, ваше преосвященство. Отдайте торговке все три склянки. Действие крема вы уже видели, духи помогут любой женщине благоухать как розовый сад, а пудра скроет недостатки кожи. Ради молодости и красоты женщины забудут о свободе.

– Хорошо, мы испробуем твое средство. Но учти, если оно не сработает, ты будешь висеть на самом высоком столбе.

Но средства аптекаря действовали безотказно. Старухи, женщины и даже юные девушки спешили приобрести их, чтобы затмить своей красотой всю округу. А поскольку изобретения аптекаря действовали только один день, каждый вечер прекрасному полу приходилось садиться перед зеркалом и испытывать чудодейственную силу крема, дабы стать еще прекраснее.

Вследствие этого, женщины вскоре напрочь забыли о полетах на метлах и прочей ведьмовской белиберде. Совсем скоро в семьях стали появляться все новые и новые отпрыски, причем настоящие красавчики и красавицы. Рыцари с пыльных дорог возвращались в родные пенаты, где вскоре удачно женились, и щедро принимали ласки жен, как своих, так и чужих.

Спустя несколько столетий, рецепт чудодейственного крема был утрачен, что совсем не смутило дам, научившихся умело пользоваться косметическими средствами. Под их толстым слоем трудно было определить, сколько на самом деле лет даме: шестнадцать или шестьдесят. Тем более, что мужья не жалели денег на подобные прихоти, помня, что из-за отсутствия таковых они могут получить вместо хорошенькой женушки настоящую ведьму. Если кто из мужей вдруг замечал, что жена теряет интерес к кухне и детям и мечтательно поглядывает на звезды, немедленно заводил друга-парфюмера или сам занимался производством косметики. С той поры мужчины усвоили: лучше встретить черную кошку, чем даму без косметики.

Глава четвертая. Вторая попытка стать красавицей

Следующий день начался стелефонного звонка Юли, который сказался на моем настроении также отрицательно, как звонок будильника.

- Ритуль, ты уже готова?
- К чему? – спросила я, зевая.
- К шопингу, конечно.

Несмотря на то, что часы показывали девять, мне хотелось поваляться подольше, а совсем не заниматься дурацким походом по магазинам. Но освободиться от моей приятельницы не представлялось возможным, поэтому, скрепя сердце, мне пришлось натянуть на себя первое, что попало под руку, и спуститься во двор. Тело мое все дорогу жутко чесалось, но я так спешила, что даже не взглянула на себя в зеркало. Юля уже сидела в такси и махала мне рукой.

– Ты что, на такси собралась ехать? – высказала я свое недовольство, не понимая, зачем ехать на такси, если до магазина идти ровно десять минут.

– Ритуля, уважающие себя люди не ходят пешком. Тебе вообще следует купить себе приличный автомобиль. Но это мы отложим на потом. А сейчас – вперед к красоте.

Произнеся эту фразу, она осеклась и с удивлением посмотрела на меня.

- Что с тобой случилось?
- А что? – не поняла я, почесывая лицо.
- Ты в зеркало вообще смотрелась?
- Не-а. Некогда было. Ты меня прямо из постели вытащила.

Юля достала из сумочки зеркальце и со вздохом протянула мне. То, что я увидела, меня совсем не обрадовало. Из зеркала на меня смотрела толстая свинья красная морда с малюсенькими я глазками, и только что не хрюкала. Я поняла, что вчера немного переборщила с косметикой и принцессы из меня не получилось. А если и получилась, то свинья. Я хотела вернуться домой и переждать несколько дней, но Юля сказала, что уже поздно отступать и махнула таксисту рукой.

Такси заурчало, дернулось, как испуганный пациент в кресле дантиста, и минуты эдак через полторы мы были на месте. Магазин с древнегреческим названием «Афродита» считался самым дорогим и престижным в нашем городке, и ранее был мне не по карману.

Когда его двери закрылись за моей спиной, моему взору предстала жуткая картина в духе модернизма, состоящая из пятен самых различных цветов.

Пока я осматривалась по сторонам, Юля уже щебетала с продавщицей, копаясь в одном из разноцветных пятен.

– Эй ты, а ну давай отсюда, – услышала я над самым ухом. – Еще сопрешь что-нибудь, а мне потом отвечай, алкоголичка несчастная.

За моей спиной стояло миловидное создание крашенное под блондинку и недовольно надувало губки.

– Ларочка, это со мной, – прервала девушку Юля. – Видишь, даме просто необходимо сменить гардероб.

На лице девушки тут же появилась лягушачья улыбка, растянувшаяся от уха до уха в полном смысле слова, и поэтому про себя я обозвала продавщицу лягушонком.

– Пожалуйста, проходите. У нас огромный выбор вещей из Франции и Голландии. Посмотрите, какая прелесть!

Она показала мне платье ярко-рыжего цвета, покрытого блестками, как рыба чешуей. Кроме прочих достоинств, платье обладало пятью хвостами, которые при ходьбе разлетались в разные стороны, как набедренная повязка у индейцев.

Когда я с трудом натянула его на себя и вышла из примерочной, даже Юлька, любящая все самое экстравагантное, не выдержала и расхохоталась.

– Ларочка, предложи даме что-нибудь поскромнее.

Ларочка снова растянула губки, но порывшись в более темном пятне, извлекла несколько костюмов и юбок. Мне понравился темно-зеленый, напоминающий крокодилью кожу. Ткань на нем была не только мягкой на ощупь, но еще и поблескивала на солнце. Я что-то вроде этого видела по телевизору на принцессе Диане. Кроме того, мы выбрали несколько юбок, от черной до бледно-сиреневой, блуз, джемперов, два вечерних платья, приобрели пять пар туфель и две сапог, кожаный плащ. Юля уговорила также взять к нему такого же качества шляпу, потому что в ней вид у меня очень солидный. Что мы купили для Юлии, я вспоминаю с трудом. Если мои приобретения еле-еле уместились в двенадцати огромных пакетах, то пакеты приятельницы я даже не взялась считать: от них у меня сразу же начинало рябить в глазах. Юлька просто умница, что догадалась взять такси. В противном случае, мы бы не дошли до дома. С таким неподъемным грузом, нас можно было только раскапывать из под завала последнего писка моды.

Едва я дотащилась до квартиры и кинула пакеты в прихожей, раздался звонок Иды, которая очень за меня переживала.

– Ты куда пропала? – заорала она в трубку. – Я третий час не могу до тебя дозвониться! Я с ума схожу, а она себе отдыхает!

Я пролепетала нечто невнятное по поводу Юли и ее шопинга, на что получила резкую отповедь Аделаиды.

– Маргарита (она всегда называла меня полным именем, если говорила об очень важных и серьезных вещах). – Тебе необходимо срочно заняться приобретением недвижимости, пока деньги, не дай Бог, не обесценились, а потом уже думать о всякой бабьей ерунде.

Мои попытки возражать, что дело это очень серьезное, и надо хорошенько все обмозговать, не нашли отклика в железном сердце Иды, и не терпящим возражений тоном, она сказала:

– Послезавтра мы отправляемся осматривать прекрасный старинный замок, оставшийся со времен польских шляхтичей. Здесь недалеко, под Тулой. Будь готова.

Я даже не успела спросить, зачем мне замок, а тем более за каким хреном под Тулу притащились польские шляхтичи, да еще несколько столетий назад. Едва я положила трубку и наконец-то сняла с себя туфли, снова затрезвонил телефон и нежный Юлин голосок пропел прямо мне в ухо.

– Ритуличка, извини, что беспокою, милая, но мне очень хотелось бы знать: в чем сегодня ты собираешься идти на свидание?

– На какое свидание? – опешила я.

– Как? Ты уже несколько дней как богата, а еще до сих пор не завела жениха, или в худшем случае бойфренда? Ты меня удивляешь. Я вижу, что наследство не идет тебе впрок. Немедленно, немедленно тебе нужно позвонить бывшему однокласснику, однокурснику, или в худшем случае захомутать соседа, чтобы проверить свои чары на нем. Не откладывай и займись этим прямо сейчас. Потом не забудь позвонить мне и рассказать, как все прошло. Да, спасибо тебе за все покупки. Они просто прелесть.

В заключение пылкой речи моей приятельницы я собиралось немного вздремнуть и восстановить силы после похода по магазинам, но все словно сговорились не давать мне покоя. Следующий звонок застал меня полностью врасплох.

– Маргарита Сергеевна, вас третий день нет на работе. Если завтра вы не появитесь и не представите документ о вашем отсутствии по уважительной причине – будете уволены.

– Это кто? – не поняла сначала я.

– Считайте, что вы уже уволены! – заорали на другом конце провода, и я узнала голос заведующей библиотекой, моей непосредственной начальницы.

«Уволят», – пронеслась ужасная мысль в моей голове, но потом я вспомнила, что богата, и мне начхать на библиотеку и на зарплату, которой, копи хоть целый год, все равно не хватало бы на хорошие туфли. Поняв, что поваляться на диване мне все равно не дадут, я порылась в старой телефонной книжке и решила позвонить однокласснику, к которому еще в школе была неравнодушна. Я слышала, что с женой он благополучно развелся и коротал свой век холостяком.

– Алле, можно Сергея? – осторожно произнесла я, часто дыша в трубку.

– Я это. Чего надо-то?

– Это Рита, Рита Дунь...

Я услышала, что мой одноклассник изо всей мочи стал дуть в трубку, а затем произнес.

– Ну, дунул, теперь ничего, слышно?

– Ты меня что, совсем не помнишь? Я Рита, я за соседней партой сидела.

– Как же помню, красивая такая, рыженькая, все глазки мне тогда стоила.

От обиды я хотела сразу брякнуть про десять миллионов, но у меня хватило благоразумия сдержаться порыв, и я, сделав глубокий вздох, почти по слогам произнесла.

– Да нет же. Это Настя была.

– Ага. Значит, беленькая такая, ямочки на щеках, папа в милиции работал.

– Нет, я темненькая, пухленькая, и еще в очках.

По видимому, Серега был тугодумом, потому что в трубке воцарилось молчание. Но не прошло и пяти минут, как он возобновил разговор.

– Так, это ты, Рита? Это та, которая, мне на двадцать третье февраля медведя голубого подарила.

– Ну да, – обрадовалась я. – Наконец-то вспомнил!

– Ну и чего тебе, Рита Дунь?

Я набралась храбрости. С деньгами это гораздо проще, чем без денег, и проворковала.

– Давно не виделись, Сережа. Давай встретимся, поговорим. Можно у меня дома, можно в ресторане. Я наследство получила.

В трубке откашлялись и выдали следующую фразу.

– Видишь ли, я бы с удовольствием, но как бы тебе сказать, работы много. Страшно устает. Сил больше ни на что не хватает. Так что не обижайся, Ритуля-красотуля. Пока.

Мне снова захотелось ему сказать о размерах наследства, но я сдержалась. Сразу было видно, что у него нет ко мне никаких чувств. Я немного расстроилась, но тут же испытала облегчение. И считая, что я успешно выполнила все рекомендации Юли, пошла примерять наряды.

Все сидело на мне отлично. Сразу чувствовалось, что фирма, а не какой-нибудь корейский ширпотреб. Особенно классно смотрелся крокодилий костюм. Я казалась в нем гораздо привлекательнее, и напоминала настоящую даму, если бы не моя свиная физиономия. Я опять стала мечтать, как иду по Лондону в обществе королевской семьи, но все-таки себя одернула. Это уж было слишком. После такой красоты мои заметки мне писать совсем не хотелось, и поэтому я предлагаю главу, написанную ранее: «Об изобретении чулок и женских завоеваниях».

Ничто не заставляло мужчин быть такими изобретательными как женские капризы, которые росли прямо пропорционально развитию цивилизации. В первобытном обществе женщины были менее требовательны, и их вполне удовлетворяли кусок мяса и свежесвыделанная шкура, под которой они могли прятать свои прелести в зимние холода. Да и то со временем женщины стали устраивать потасовки и отбирать друг у друга самые большие шкуры с блестящим мехом. Что уж тут говорить о том, что сильному полу доставались самые старые и поношенные шкуры, которыми едва можно было прикрыть срам. Немного позже было решено разделить одежду на мужскую и женскую. Сильный пол считал, что таким образом избавит себя от множества ненужных проблем. Но не тут-то было. Как раз проблемы

только начинались! Стоило мужчинам изобрести что-нибудь новенькое для своего гардероба, как женщины тут же подхватывали идею и присваивали себе новинку.

Приведу только один яркий пример освоения дамами мужской одежды. Когда, наконец, французский портной представил своим согражданам такую новинку как чулки, все они вздохнули с облегчением. Вряд ли она сможет заинтересовать дам, очаровательные ножки которых скрывают объемные платья! Но мужчины никогда не могли постичь женской логики, и именно поэтому всегда проигрывали слабому полу.

В доме сорокалетнего маркиза де Конте с некоторых пор обитала молодая супруга Констанция, отличающаяся очень смазливый личиком и еще более капризным нравом. От нарядов, которые она заказывала у портних, ломились все ее сундуки. Но она не унималась, требуя все новые и новые туалеты. Мадам имела привычку примерять не только те платья, которые присылались ей, но и с удовольствием натягивала на себя обмундирование супруга, чтобы потом дефилировать перед ним по спальне.

– Посмотри, счастье мое, разве я не напоминаю тебе бравого мушкетера? Право, если бы Бог создал меня мужчиной, то парижские красотки теряли бы от меня голову.

Маркиз, которого первые месяцы брака подобное поведение прекрасной половины вывело из себя, вскоре смирился с ее выходками и даже стал находить в них определенный сексуальный задор.

Когда посыльный доставил для Конте чулки, упакованные так, что глядя на них можно было подумать будто это жемчужное ожерелье, Констанция только проснулась и готовилась к утреннему туалету. Слова посыльного, что товар доставлен специально для маркиза несколько ее не смутили, а яркая упаковка только разожгла любопытство. Когда же в нежных ручках великосветской дамы оказались два восхитительных белых чулка, она взвизгнула от удовольствия и немедленно натянула на свои великолепные ножки сначала один, а затем другой. Когда ни о чем не подозревающий супруг вошел в спальню,

Констанция восседала на постели с видом полководца, выигравшего грандиознейшее сражение. Ее ноги до самых ступней скрывало шикарное шелковое платье. Но едва только муж переступил порог супружеского святилища, она привстала и приподняла платье до щиколотки. Из под юбки выглянула маленькая ножка, обтянутая белым чулком. Затем платье было поднято до колен, и обе ножки, одна прекраснее другой в белых шелковых чулках открылись взору долгожданного супруга. А когда платье поползло еще выше и обнажило кусочек кожи прямо над чулками, маркиз, не в силах больше сдерживаться застонал, и повалил жену на кровать.

Вскоре чулки прочно вошли в обиход служанок маркизы, затем торговки, у которых последние покупали провизию, и уже потом они перекочевали в гардероб публичных женщин и до сих пор являются неременным предметом их рабочей одежды. Естественно, мужчины не могли стерпеть такого унижения и тут же изобрели панталоны, которые позже женщины стали использовать в качестве нижнего белья, но в укороченном виде.

Мужчинам недолго пришлось красоваться в жабо, шляпах, даже пиджаки и брюки уже более двух столетий назад женщины потихоньку стали надевать, чтобы выглядеть экстравагантнее. Чего только не делали власть имущие мужчины, чтобы отучить жадных до тряпок женщин от ношения мужской одежды! Дело доходило до того, что облачение в мужские наряды каралось сечением плетью и даже смертной казнью! Женщинам позволялось носить только платья и юбки, да и то, если разобраться, они тоже были раскроены на основе туник и хитонов, которые в древности носила сильная половина. Не приглянулся дамам только фрак, только потому, что его фалды напоминали хвост нечистого, коего набожные матери предпочитали опасаться.

К середине прошлого столетия мужчинам пришлось окончательно смириться с тем фактом, что их одежду женщины используют также свободно, как свои платья. И моде-

льеры предпочли делать новинки не для мужчин, а для прекрасной половины, поскольку признали это занятие более благодатным и не обреченным на воровство. А практически вся мужская одежда на сегодняшний день входит в гардероб женщин, успешно перемешавшись в нем с женской. И если когда-нибудь какой-либо чудак сможет изобрести нечто такое, что откажутся надевать на себя женщины, то он без сомнения удостоится Нобелевской премии.

Глава пятая. Сумасшедший день

Когда Бомарше создавал «Безумный день или женитьбу Фигаро», он не мог подозревать, что много лет спустя, одна дама переживет еще более сумасшедший день. Я еще не чувствовала себя принцессой, но уже вполне стала ощущать бремя богатства. В восемь мне пришлось вставать, чтобы успеть принять душ, посмотреть на себя в зеркало, облачиться в полюбившийся мне крокодилий костюм, и хотя бы к половине одиннадцатого появиться на работе. Слава Богу, лицо мое снова приобрело более или менее человеческий вид, и я без стеснения отправилась в библиотеку. Не успела я дойти до кабинета заведующей, как метрах в трех от него, за моей спиной раздался ее зычный голос.

– Маргарита Сергеевна, надеюсь, что у вас есть документ, оправдывающий ваше трехдневное отсутствие на рабочем месте? У вас еще хватило наглости опоздать сегодня на полчаса.

Заведующая была женщиной лет сорока пяти, высокой, костлявой, и больше напоминала бабу-ягу из детской сказки, чем серьезную начальницу. Она распахнула дверь в свой кабинет, и я, опередив ее на шаг, ввалилась туда первой.

– Я вас уволю, заверещала она. – Уволю по статье, так, что вы нигде себе места не найдете. Тут я, усевшись в кресло, сказала фразу, о которой мечтала десять лет.

– Пожалуйста. Это ваше право. Но, кстати, я собиралась сама подать заявление. Не найдется ли у вас бумаги и ручки?

– Найдется. У меня все найдется. Только она вам не понадобится, потому что я вас увольняю. У-воль-ня-ю! – прокричала она по слогам, надеясь, что я не расслышала ее угрозы.

– Я вам не советую со мной ссориться, иначе вы навсегда можете лишиться спонсорской помощи.

Решив, что я, по-видимому, сошла с ума, заведующая сменила гнев на милость и уже стала смотреть на меня со страхом и любопытством.

– Уж не вы ли собираетесь стать нашим спонсором, Маргарита Сергеевна? – улыбнулась заведующая.

– Могла бы, если вы принесете чашечку кофе и поболтаете со мной немного.

Моя начальница уже не сомневалась в своем диагнозе, поэтому продолжая натянуто улыбаться, стала готовить кофе себе и мне. Она испуганно поглядывала то на меня, то на телефон, не решаясь при мне набрать номер скорой.

Роль ненормальной, которую мне навязывала моя начальница, пришлась мне не по душе. Однако я надеялась, что вскоре все прояснится, и меня будут умолять если не остаться на работе, то дать несколько сотен тысяч на ремонт обветшавшего здания. Когда передо мной появилась чашка дымящегося кофе, я взяла лист бумаги, ручку, и от всей души написала заветные строки: «Прошу уволить по собственному желанию». Затем отпила несколько глотков и откинулась на спинку мягкого кресла, которых в кабинете заведующей было целых два. Заведующая села напротив, тоже взяла чашку с кофе и мое заявление.

– И чем же интересно собирается заниматься уважаемая Маргарита Сергеевна? – прочтя крик моей души, спросила заведующая.

– Ничем.

– А на какие деньги вы собираетесь существовать, простите, да еще оказывать спонсорскую помощь?

– На триста тысяч долларов, которые получила в наследство.

– Рада за вас. Надеюсь, что такая огромная сумма пойдет вам на пользу.

– А почему вы считаете, что она может мне навредить?

– Ну что вы, Маргариточка Сергеевна, я совсем не то имела в виду. Я хотела сказать, что имея такие деньги, вы можете стать гораздо более привлекательной,стройной и...

– По-вашему, я, значит, недостаточно привлекательна? – сказала я грозно, и схватилась за маленький ножик для пирожных, который лежал на столе.

– Да что вы, вы у нас просто красавица, – запела заведующая, метнувшись в угол. – Я всегда завидовала вашей необыкновенной фи, фи, фигу...

Последнее слово она уже не смогла выговорить, схватилась за сердце, глаза ее округлились, и она стала медленно сползать по стене. Я положила ножик, подбежала к ней со скоростью торпеды, подняла, усадила в кресло, накапала валерьянки, и просила не комплексовать по поводу физических недостатков. Потом я выложила перед ней сто долларов и сказала:

– Покупайте себе самое вкусное, не стесняйтесь. Тогда у вас тоже скоро будет такая же замечательная фигура. Понадобится еще что-нибудь, обращайтесь. Всегда готова помочь по старой памяти.

Полностью удовлетворенная в своих амбициях, я прошествовала по всей библиотеке, здороваясь, и тут же прощаясь с сотрудницами. Затем поспешила обратно домой, чтобы хорошенько отлежаться.

Но моим мечтам не суждено было сбыться. Едва только я взобралась на свой этаж и вставила ключ в замочную скважину, кто-то навалился на меня сзади. Затем я почувствовала, что на меня надевают что-то похожее на мешок, страшно закричала, но, получив удар, потеряла сознание.

Очнулась я, лежащей на кровати. Надо мной был белый потолок, а на мне белая рубаша.

– Оклемалась, голубушка, – склонилось ко мне усатое лицо. – Ну, как вы после укольчика?

– Где я? – спросила я сдавленным голосом.

– В больнице, милочка, в больнице. Будем вас лечить.

Я получше рассмотрела врача, и он мне сильно напомнил нашу заведующую. Стоило приклеить ей усы и обрезать волосы, – сходства было бы полным.

– Меня не нужно лечить, я не больна.

– Все вы так говорите, все говорите, а на самом деле? Что вы наследница огромного состояния говорили?

– Так оно и есть.

– Вот видите.

– На начальницу с ножом бросались?

– Она меня оскорбила.

– Вот видите. Значит, будем вас, голубушка лечить.

– Послушайте, — умоляюще произнесла я. – Отпустите меня отсюда. Я вам хорошо заплачу. У меня есть деньги. Я и в самом деле получила наследство.

– Сколько же, если ни секрет?

– Триста тысяч.

– Серьезная сумма, – присвистнул доктор. Я бы тоже хотел иметь столько рубликов сразу.

– Вы не поняли. Не рублей, долларов.

– Еще серьезнее. – Он навис прямо надо мной. – Ну а если хорошенько подумать? Сколько вы получили?

– Вы никому не скажете?

– Могила.

– Десять миллионов.

– Зеленых?

Я беспомощно кивнула. Доктор вздохнул.

– Светочка, – позвал он медсестру. – Сделайте больной еще один укол. Ей нужно хорошенько выспаться.

Я завyla как волчица, попавшая в капкан.

– Охо-хо, – тяжело вздохнул доктор. – До чего довели народ. Еще десять лет назад у нас лежали Ньютоны и Толстые. Сегодня – сплошь и рядом миллионеры и миллиардеры. Светочка, скажите, чтобы перед уколом эту миллионершу покормили чем-нибудь. А то еще, не дай Бог, она помрет с голоду.

Когда врач и медсестра удалились, ко мне подошла растрепанная женщина неопределенного возраста и прошептала в самое ухо:

– Сто долларов дашь? Ты сто долларов, а я тебе телефон позвонить.

– Дам. Могу и больше. А зачем тебе здесь деньги?

– Если сто долларов каждую ночь класть в учебник математики за шестой класс, то сумма к утру будет возрастать ровно в шесть раз.

– А почему в шесть?

– Три шестерки. Магическое число. Учебник за шестой класс, кладем до шести утра. Получаем в шесть раз больше.

– Аааа, – проговорила я, поняв, с кем имею дело.

Хорошо, что мобильник оказался самым настоящим, и я смогла позвонить Иде, которая уже через двадцать минут качала права у главврача так, что было слышно на другом конце коридора. А еще через полчаса, мы с ней уже сидели в такси, и она читала мне нотацию о необходимости вести себя осмотрительно.

– Маргарита, в нашем городе, не найдется человека богаче тебя. Поэтому будь осмотрительнее. Мало ли какие могут быть последствия.

– Может быть, мне еще охрану нанять?

– Кстати, неплохая мысль. Охрана тебе тоже не помешает.

Ида высадила меня возле моего подъезда, и умчалась по делам. А я, доползя, наконец, до квартиры, приняла душ и собралась немного почитать, но не тут-то было. Только я обмотала голов полотенцем и надела халат, в мою дверь позвонили, причем очень настойчиво. Не скрывая неудовольствия, я распахнула ее, и едва не ударила по носу... нашего мэра. Широко улыбаясь, он вошел в прихожую, в сопровождении трех внушительного вида детин, и сунул мне охапку белых роз, немного пожеванных, но еще вполне приличных.

– Уважаемая Маргарита Сергеевна, я бы сказал проще, Марго. От лица всех жителей города я от души поздравляю вас с полученным наследством и искренне надеюсь, что вы станете на путь благотворительности и не оставите родной город без помощи.

Я открыла рот, стараясь сказать что-нибудь вразумительное, но слова так и остались у меня в горле, не преодолев назначенного пути. Однажды я пыталась попасть на прием к городскому главе, но просидела целый день в приемной, так и не добившись желаемой аудиенции, поэтому впервые в жизни лицезрела мэра на столь близком расстоянии, испытывая состояние то ли некоторой эйфории, то ли простого шока. Он был приземист, лыс, и настолько заплыл жиром, что его карие глаза, по-видимому, нормальные от природы, стали походить на глаза самурая.

Мэр галантно поклонился, так что создалось впечатление, что его внушительный живот ему совершенно не мешает, и чмокнул мне руку, которую я от неожиданности, резко отдернула.

– Не хотите ли чаю? – вдруг спросила его я, сама удивившись своей находчивости.

Мэр застегнул пиджак, затем расстегнул, откашлялся, вытер пот со лба и, наконец, произнес:

– Не откажусь.

Он кивнул детинам, и те исчезли так бесшумно, что их способностям могла бы позавидовать любая кошка. Пока я заваривала и наливала чай, мэр сидел, продолжая застегивать и расстегивать пиджак. Потом окончательно снял его и повесил на спинку стула.

– Небогато живете, небогато. Кто бы мог подумать, что ваш дядюшка – миллионер.

– Что? – спросила я, растерявшись.

– Говорю, вы счастливы, что ваш дядюшка оставил вам такое наследство? — прокричал мэр в самое ухо, посчитав, что я глуховата.

– Да, конечно.

– Он, кажется, жил в Японии.

– Да, вы правы. В стране восходящего солнца, – сказала я, ставя перед мэром чашку чая и вазу с печеньем.

Мы впили по чашке чая, затем по второй, по третьей. Мэр, кажется, не собирался уходить, и я уже стала опасаться, что он, как Винни-Пух, не сможет пролезть в мою дверь и придется ждать, когда он похудеет. Но от четвертой чашки гость благополучно отказался. С тоской посмотрел на меня, тяжело вздохнул и попросил чего-нибудь покрепче. После появления на столе коньяка он оживился, выпил сначала за мое наследство, потом за упокой души моего дяди и уже потом за мою необыкновенную красоту. Когда он произнес последний тост, я поняла, что ему уже хватит, и пора нашего главу выпроваживать восвояси. Но мэр был совершенно другого мнения на сей счет, и потребовал продолжения банкета.

– Ммм, Япония замечательная страна. Давайте выпьем за Японию. Всегда мечтал выучить японский и побывать там. Да все как-то не с руки. Кстати, а как ваш родственник оказался так далеко?

– Да как, просто уехал и все, – ответила я, отхлебывая чай и откусывая печенье.

– Что, вот так уехал? В милитаристскую Японию? В ужасное советское время?

– Ну, видите ли, не совсем в советское время, и не совсем в Японию...

– Не понял. А куда?

Поняв, что так просто от мэра мне не отделаться, а говорить правду мне ни под каким видом не хотелось, я решила вспомнить все прочитанные романы и придумать героическую биографию моего японского дяди.

– Мой двоюродный дед, русский казак, – начала плести я, – однажды на ярмарке увидел портрет японской девушки и сразу же в нее влюбился. Вот он и решил оставить дом и ехать в далекую Японию, чтобы найти там эту девушку. Он так сильно ее полюбил, что решил даже оставить жену и троих детей.

– Вот гад! – прокомментировал мэр. – Сразу видно, что не жил он в советское время.

– И он поехал, верее поплыл на корабле в далекую Японию, практически без копейки денег.

– Надо же, я бы так не смог.

– Одному Богу известно, что ему пришлось перенести, пока он искал девушку.

Когда же ее нашел, то был почти при смерти, но еще успел жениться на ней и зачать ребенка. Но мой дядя родился на свет уже без отца.

– Печально.

– Семья, в которой он рос, была небогатой, а его тетки были гейшами, и зарабатывали на хлеб, торгуя собой. Мальчик рос и мечтал о том, что станет богатым и известным. Но его мечты исполнились, когда ему уже перевалило за сорок. Дядя сделал какого-то необычного робота, который и принес ему славу и капитал. Но вся его семья еще раньше умерла от голода, потому что ела один рис.

Тогда он стал искать родственников в России, о которой рассказывала ему мать.

Из родственников осталась только я, и мне он завещал все состояние, жалея только, что не сможет со мной увидеться.

– Почему не сможет увидеться? – спросил мэр, которого здорово развезло после коньяка.

– Потому что умер.

– Что, уже умер?

– Ну да, я же получила наследство.

– Ну, так царство ему небесное. Помянем? – мэр вылил в стакан остатки коньяка и закусил лимоном.

Проделав эту операцию, он торжественно произнес:

– Маргарита Сергеевна, я хорошенько подумал и решил предложить вам должность своего заместителя.

– Что вы, я не справлюсь.

– Справитесь.

– Да не справлюсь, я вам говорю. Я никогда не занималась административной работой.

– Справитесь. Найдем негра. Он будет за вас пахать за копейки, а вы будете получать хорошую зарплату и выступать на совещаниях.

– Зачем мне зарплата, я же богатая наследница.

Мэр серьезно задумался.

– В самом деле, зарплата вам не нужна.

Мэр немного скис, но ненадолго. Всего через несколько секунд он поправил галстук, приободрился, выпятил грудь вперед и пошел в атаку, для чего

вытер губы галстуком, икнул, и, ухватив меня за колено, полез целоваться.

– Вы удивительная, удивительная женщина. У вас все удивительное: глаза. губы, шея. Все, все, все! – засопел мэр.

Когда его руки дошли до этого всего, а оно у меня было очень объемное, я попыталась сопротивляться, так как лишиться девственности в столь неподходящий момент не входило в мои планы. Но мэр, как и полагалось по должности, был очень настойчив, и будь он в более трезвом состоянии, довел бы начатое до конца. Но ему очень мешал его живот, а еще больше мой, и в конце концов, устав ото всех усилий, он уснул прямо у меня на диване. Хорошо, что детины вовремя спохватились, и, взяв городского главу за руки и ноги, вынесли в нужном мне направлении, то есть вон из моей квартиры. И еще просто замечательно, что в тот день ко мне больше никто не приходил. Если бы порог переступила еще какая-нибудь живая душа, клянусь, в живых бы я ее не оставила. Поэтому очередная глава: *«О том, почему появилась гильотина, и что бы было, не будь стерв»*.

Без сомнения, женщинам мы обязаны не только открытиями, приводящим к прогрессу и расцвету человечества, но и к темным сторонам его истории. Таким было изобретение гильотины.

Мужчины испокон веков любили войны и охоту. Не просто любили, а обожали потому, что не было у них лучшего предлога, чтобы покинуть своих жен и избежать их домогательств и истерик. Для мужчин не было худшего наказания, чем возлагать на себя семейные дела и целыми днями терпеть капризы своих милых супруг.

Некий господин Гильотен, человек по натуре чрезвычайно спокойный и стойкий, имеющий образование врача и степень доктора медицины, вынужден был целыми днями просиживать в своем скромном доме на окраине Парижа, довольствуясь обществом взбалмошной супруги и троих чрезвычайно неуравновешенных дочерей, вступивших в пору полового созревания. И хотя зарабатывал он немало, его жена и дочери были крайне недовольны и требовали все больше средств. Эти обстоятельства настолько угнетали бедного господина Гильотена, что он все хуже и хуже спал по ночам, а наутро у него едва хватало сил, чтобы подняться с постели. Но когда он, наконец, вставал и выходил к утреннему кофе, его чаще всего ожидали пытки, по сравнению с которыми дыба могла показаться сущей ерундой.

– Ты зверь! Нет! Ты гораздо хуже зверя, – рыдала безутешная жена. – Звери и те заботятся о своем потомстве. Даже они несут своим детям добычу. А ты? Посмотри, во что одеты наши дочери! Скажи, кто из приличных молодых людей позарится на девиц, одетых подобным образом? Ты хочешь, чтобы они пошли работать? Были простыми прачками и белошвейками? Скажи мне, ты этого хочешь? Мало того, что к нам то и дело приходят люди

со своими болячками, и ты не стал делать блестящую военную карьеру, как тебе завещал мой отец, ты не хочешь заниматься ничем, кроме своих нищих больных. И тебе все равно, даже если бы твои дочери ходили голыми!

Выслушав подобную тираду в тысяча двести первый раз, Гильотен не выдержал, стукнул кулаком по столу, и направился к себе в кабинет, сказав, чтоб ему не мешали, так как он собирается сделать очень важное изобретение. Что он будет изобретать, господин еще понятия не имел, но трясся от негодования и видел перед собой только одну сцену: как он взмахивает рапирой и протыкает ненавистную жену насквозь. Он вошел в раж и принялся мечтать дальше. Вскоре рапиру сменил арбалет, затем пушка, и уже потом топор. Топор Гильотену понравился больше всего, так как отсекал голову жертвы в тот самый момент, когда она готовилась произнести ненавистную тираду. Голова удивленно поднимала брови и летела вниз, разбрызгивая вокруг фонтаны крови. Топор с каждым разом становился все тяжелее и массивнее, и, наконец, Гильотена осенило. Он понял, что ему нужно изобрести. Всего через несколько дней у него на столе лежал чертеж гильотины, а еще через некоторое время, гильотина значительно облегчила работу палача, а Гильотен получил за изобретение кругленькую сумму. Отдавая ее жене он предупредил, что если супруга не уймется, то он изобретет кое-что пострашнее гильотины, и первой жертвой его изобретения станет она.

С тех пор в семействе доктора царили мир и согласие. Досадно лишь, что потомки Гильотена не оценили труды прапрадеда, и изменили фамилию, стесняясь гениального изобретения. Если бы не стервозность жены доктора, добропорядочных граждан еще долго казнили бы посредством меча или топора, что не очень эстетично и еще более болезненно.

Глава шестая. Второй сумасшедший день и сумасшедшая ночь

Какая сволочь придумала будильники, я, перерыв приличную стопу литературы, так и не смогла выяснить. Но что это была порядочная сволочь, я убедилась, когда звонок поднял меня с постели в половине седьмого утра. Со времени получения наследства, я не мола спать столько, сколько мне заблагорассудится, и данный факт меня очень расстраивал. Мои попытки отключить будильник ни к чему не привели, и звонок продолжал меня доставать с неизменной настойчивостью. Открыв глаза, я поняла, что звонят в дверь, и будильник здесь ни при чем. С мыслью послать ранних гостей как можно дальше, я щелкнула замком и обомлела: из-за двери на меня смотрела откормленная песья морда.

– Извините за ранний визит, – зевнув, сказала морда. – Но дело не терпит отлагательств.

Я растерянно сделала два шага назад, пропустив нежданного визитера. Тут же из-за морды появилась широкополая красная шляпа и женское лицо по ширине точь в точь совпадавшее с мордой собаченции. Хозяйка опустила бульдога на пол, погладив по широкой спине.

– Тутсенька, посиди здесь немножко, а я быстренько поговорю с тетей, и мы пойдем домой, – просюсюкала дама в шляпе.

Огромную клетчатую сумку, которую она держала в другой руке, дама тоже поставила на пол. Габариты дамы были не меньше моих. Поэтому, наверное, она почувствовала себя как дома, и уселась в кресло, не дожидаясь приглашения.

– Еще раз прошу прощения за ранний визит, но я надеюсь, что вы меня поймете, и правильно оцените ситуацию.

Дама глубоко вздохнула, выпила весь сок из графина, стоявшего у меня на столе, и продолжала:

– Скажите откровенно, вы любите животных? Кошек, собачек?

С тех пор как соседские кошки каждый день писали на коврик, лежащий у меня под дверью, я бы с удовольствием передушила их всех. А также собачек, которые постоянно бегали под окнами, гадили в подъезде и не давали спокойно жить. Но, не желая прослыть живодером, я, сделав соответствующее моменту лицо, ответила:

– Ну, в принципе, неплохо.

– Замечательно! – возликовала незванная гостья. – Тогда, я думаю, вы меня поймете и пойдете мне навстречу. Дело в том, что я уже третий год стараюсь создать питомник для бездомных животных. У всех этих несчастных четвероногих должна быть крыша над головой, миска еды и хотя бы немного ласки. Ведь они ничем не хуже людей, а может быть даже лучше. Вы согласны со мной?

Я кивнула, потому, что мне очень хотелось спать, и я просто мечтала выпроводить назойливую даму.

– Прекрасно, тогда вы не откажетесь помочь и выделить семь с половиной тысяч долларов на строительство питомника.

– Да, но у меня нет наличных, – сказала я, повторяя фразу из какого-то фильма.

– Ничего страшного, я согласна ин на чек! – весело пробубнила дама.

О чековой книжке я имела весьма слабое представление, и поэтому попросила незваную гостью зайти на следующий день.

– Я так рада, что вы меня поддержали. В благодарность позвольте мне подарить вам маленький сувенир, – дама поставила на колени огромную сумку и извлекла оттуда полуметрового крокодила, который, как и пес, был очень похож на свою хозяйку. – Вот, знакомьтесь. Смотрите, какая прелесть. Мы поместим его в ванной, и он вас совсем не побеспокоит. И

кушает он совсем немного. Пару килограммов мяса в день для него будет вполне достаточно. Вы знаете, сейчас считается правилом хорошего тона заводить в квартирах крокодилов или змей.

Я очень обрадовалась, что гостья не принесла с собой кобру или анаконду, по сравнению с которыми крокодил выглядел вполне симпатично. Дама сама отнесла его в ванну, и любезно распрощавшись, ушла, чуть не забыв у меня мордастого пса.

От мысли принять ванну мне пришлось пока отказаться, и я направилась на кухню пить кофе. Но и этого мне сделать не дали, потому что зазвонил телефон, и плачущий голос в трубке попросил тысячу долларов, чтобы накормить голодных детей. Через десять минут такую же сумму попросила старушка для оболтуса-внука, чтобы устроить его учиться, затем... Через час я уже не помнила кто и по какому поводу звонил и сколько денег просил. Я отключила телефон и только после этого облегченно вздохнула. Потом я обрезала провод от дверного звонка и отправилась на диван.

Спать уже не хотелось, и я начала читать новый роман. Когда я уже ушла в мир грез и вполне срослась с главной героиней, меня потряс страшный грохот. Я подумала, что обвалился потолок, но, как ни странно, он был на месте, а грохот доносился из прихожей. Кто-то настойчиво колотил в дверь, пытаясь ее выломать. Моментально ко мне вернулись мысли о бандитах и о рэкрете, и я, на цыпочках подкравшись к двери, посмотрела в глазок. Но местные мафиози еще не узнали, по всей вероятности, о моем огромном наследстве, а дверь пыталась выломать Ида, в криминальных способностях которой я сильно сомневалась. Поэтому я, не думая ни о чем плохом, впустила ее в квартиру.

– Ты, что, до сих пор дрыхнешь? – заорала она на меня, едва переступив порог. – Ты, что, забыла, что мы едем смотреть замок? Я уже обо всем договорилась, а она себе и в ус не дует.

Когда Иду кто-нибудь доставал, она обычно путала высокий стиль с просторечным и использовала оба одновременно.

– Я? почему? Я помню. Я почти готова уже.

– Готова она уже! Почему тогда у тебя телефон отключен и звонок не работает? Пока я в дверь барабанила, с меня стекло три ручья пота.

Я попыталась объяснить ситуацию, но Ида махнула рукой, велела одеваться, а сама пошла в ванну, смывать пот. Я не успела предупредить подругу о маленьком крокодильчике, и поэтому через несколько секунд до моих ушей донесся ее истошный вопль. Вскоре появилась и Ида, держа за хвост пресмыкающееся. Оно в свою очередь пыталось извернуться и тяпнуть ее за руку.

– Это что? – зашипела она на меня, как заправская анаконда, и в эту минуту даже стала на нее немного походить.

– Крокодильчик.

– Я вижу, что не свинья, – Ида продолжала размахивать крокодилом перед самым моим носом. – Почему ты мне о нем не сказала? Ты что, смерти моей хочешь?

– Нет, не хочу. Ты сама не стала меня слушать. А заводить крокодильчиков сейчас считается правилом хорошего тона. И ест он совсем мало: всего пару килограммов мяса в день, – повторила я слова гостьи.

– Меня бы ему хватило не слишком надолго. Корми своего крокодила и живо собирайся. Автобус ждать не будет.

Крокодила мы снова водрузили в ванну, кинули ему три замороженных курицы, и отправились покупать недвижимость. Ехать на такси за триста километров мы с Аделаидой не решились, потому что, по слухам, в наших местах появился маньяк и резал всех без разбора. По этой причине нам пришлось оседлать рейсовый автобус. В новых дорогих костюмах на общем фоне мы смотрелись весьма респектабельно, и нас не пугала даже пыль, которая осела в автобусе толстым слоем. Все было бы просто замечательно, если бы в автобус на третьей остановке не

вошла бабуля с корзиной, в которой вполне могла бы поместиться сама. Но интереснее всего, что она не поставила ее на пол, а стала держать в руках, причем прямо над нашими головами. В корзине что-то постоянно шевелилось, а вскоре на Иду еще закапала вонючая жидкость.

– Вы, бабушка, что, оборзели совсем? – вежливо спросила у новой пассажирки Аделаида. – Это все же автобус, а не скотовозка.

Бабушка отреагировала на замечание несколько неадекватно. Она смерила мою подругу презрительным взглядом, набрала воздуха и завизжала на все транспортное средство:

– Ах ты, стерва (тут последовали выражения даже близко не переводимые на литературный язык). Сама свою тощую задницу на мягкое сиденье посадила, а старому человеку стоять приходится! Ты, морда твоя неудобная, еще рот на меня разеваешь! А ну встань с кресла! Уступи место старому человеку!

Ида, ошарашенная такой тирадой, послушно встала, и уставшая старушка плюхнулась на ее место. Бабуля оказалось женщиной весьма общительной и как раз родом из тех мест, куда мы и направлялись. Услышав о замке, она живо вступила в разговор.

– Это тот замок, что за нашей деревней стоит? Скажите нате. И что это его продают? Скажите нате. Кто б мог подумать, что эти развалины продавать будут?

– Почему вы, бабушка, называете замок развалинами? Я слышала, что он в очень хорошем состоянии, – сказала я.

– Конечно в хорошем? Кто говорить, что не в хорошем? Для его-то лет в очень даже хорошем. Все стены на месте, даже крыша наполовину цела. Федька-антихрист не всю черепицу растащил, когда строилси, морда его неудобная. А так замок хороший, и ступеньки есть, и в комнатах даже бомжи не живут.

– Почему не живут? – поинтересовалась я.

– А как там жить-то, когда каждую ночь по замку приведения ходить и чавкает.

– Как чавкает? – переспросила я.

– Да как люди. Ходить и чавкает.

Я вопросительно посмотрела на Аделаиду. В ответ она притянула меня к себе за рукав и прошептала в самое ухо.

– Перестань ваять дурака. Замечательный замок, я в интернете смотрела. Как ты можешь верить рассказам полуграмотной старухи?

Старушка, как оказалось, обладала еще и прекрасным слухом, и тут же парировала тираду Иды.

– Я еще пограмотнее тебя, дурынды, буду. А про привидению, хоть кого у нас спроси. Каждый тебе то же самое скажет. Есть в замке привидения и все тут.

– А почему вы в этом так убеждены? – я со все большим интересом общалась со старушкой.

– Так как же! Мало того, что я от своей бабки слыхала, а она от своей, так еще Митяй, алкаш-покойник, царство ему небесное, видал, как она по развалинам ходить и глазищами своими зыркает.

– Кто?

– Да она, привидения то есть. Да ты слушай, не перебивай. Триста лет назад, а может и боле, жил в этом замке граф какой-то, или князь, хрен его знает. Так вот, жаднущий он был, страсть. Бывало, на Рождество прислуга кабанчика заколет, колбасы из него наделает, окороков разных – и на чердак, чтоб обвяли. А князь этот и сам ничего не жрет, ни дворовым не дает. Хлеба, значить, ломоть отрезать, на чердак заберется, стоять возле окороков, на них любитси и хлебушек жусть. А на другой день велить все окорока на рынок свезти и продать втридорога. А денежки в подпол, в огромный сундук складывал. Вот жил он так жил, дожил годов до пятидесяти, видать, некому ему свои богатства оставить. Решил тогда граф этот жениться. А вся округа знала, что денег у него куры не клюют, свиньи не жрут. Каждый

отец думал, что, мол, помретъ князь этот, а денежки все дочери достанутся, если ее за князя выдать. Вот купец один за него дочь и сосватал. Красивая, говорят, девка была. Посмотреть есть на что. Ну, значить, женился на ней жлоб этот. Живут они месяц, живут другой, живут третий. Жена молодая домой глаз не кажетъ. Ну, вот отец и поехал дочку проведать. Приходить и видеть: зять его, как всегда за столом сидеть, хлеб жуешь, а дочери не видно нигде. Купец спрашивает: «Где дочь?». «В спальне сидеть, голова у ней болит, потому к обеду не вышла», – отвечает зять. А сам хлеба уже полкаравая сжевал, а тестю ни куска не дал, морда его неудобная. Отец – наверх, в спальню, а там дочь сидеть, худая, как щепка. Одни глазищи да кости. Отец так и обомлел. Давай бежать вниз, муженька за горло: «Ты что, – говорить, – дочь мою голодом моришь? Вызываю тебе на дуэлю». А на дуэли, значить, князь тестя своего саблей и зарубил, жену же совсем голодом заморил. Говорят даже, что она не померла совсем, а просто в тень превратилась. С тех пор по ночам по замку и бродить, а если найдешь что съестное, сразу лопаешь и на весь замок чавкает. Наголодалась за жизнь, бедняжка. Только и сейчас ей не сладко приходится. В замке поесть нечего. Иногда только добрые люди ее жалеют, хлебушек на пороге оставляют.

За рассказом нашей спутницы мы не заметили, как добрались до пункта назначения. Окончательно подобревшая старушка перекрестила нас на прощание.

– Ну, идите себе с Богом. Тут недалеко. Километра всего с два будет, – напутствовала нас на прощанье бабуля.

– Сколько? – переспросила я, – тут же подумав про новый костюм и сапоги на шпильках.

– Километра два. Може два с половиной всего, – успокоила меня старушка. – Можете напрямик через поле. Так короче малость, но грязно, морда его неудобная.

Я вопросительно посмотрела на Иду.

– Ну что ты переживаешь? Дойдем как-нибудь. Не впервой нам. Я со студентами еще дальше ходила.

Покинув нас на остановке, наша веселая спутница подхватила корзину с живностью и отбыла в направлении прямо противоположном тому, по которому должны были двигаться мы. Перед нами простиралась довольно широкая дорога, возможно, даже заасфальтированная лет эдак двадцать назад, по краям которой в неимоверном количестве произрастало что-то в виде крапивы и чертополоха. Замка было не видно даже на горизонте, и мое и без того не слишком хорошее настроение испортилось еще больше.

– Ну, как пойдем, в обход или напрямик? – почему-то поинтересовалась моим мнением Ида, хотя раньше я за ней такого не замечала.

Хорошенько обдумав ситуацию, я решила, что все-таки стоит идти по дороге, потому что она уж точно нас куда-нибудь приведет, в отличие от поля, по ту сторону которого можно обнаружить еще одну дорогу.

Мы двинули вперед по ухабам, которые, если верить некоторым историкам, помешали Гитлеру одержать победу. Ухабы были залиты грязной водой, и было их так много, что обойти оные не представлялось никакой возможности. И хотя некоторое время мы пытались проделать данную операцию, надолго нас не хватило. Первые триста метров я шла почти нормально, только приседала на каждом шагу, как лыжник, чтобы не поскользнуться и не шлепнуться в лужу. Но все же не удержалась и свалилась в самую большую и глубокую яму.

– Все, баста, – опять взяла привычный командирский тон Ида. – Снимай ботфорты, пойдем босиком.

– Так холодно как-то, пыталась возражать я.

Ида посмотрела на меня тем взглядом, которым, очевидно, смотрит на студентов, вытащивших на экзамене «бомбу», и прочла десятиминутную лекцию о том, что в позапрошлом веке крестьяне ходили босиком и в более холодную погоду, причем почти не болели, и о том как полезно ходить босиком по настоящей земле, даже если на ней когда-то лежал асфальт,

и первая скинула сапоги. Я боязливо проделала ту же операцию. Но едва коснулась земли, ойкнула и подпрыгнула не меньше чем на полметра, хотя не делала этого со школы. Дорога оказалась просто ледяной, и в мои ступни как бы вонзилось сразу миллион иголок. С тех пор, когда я смотрю «Титаник», я всегда плачу, когда вижу как люди падают с корабля в воду. Я представляю как им холодно и как они мучаются. Я бы от такого холода умерла сразу. Но так как его чувствовали только мои ступни, я вытерпела целую минуту, а то и две. Потом отложила от сапог каблучки и надела обувь снова, поставив Иду в известность, что я не крестьянка и не хочу простудиться и умереть, едва став миллионершей. Я понимала, что бросать деньги на ветер нельзя, но моя жизнь стоила гораздо дороже импортных сапог. Ида не одобрила моих действий, но почему-то тоже надела сапоги без каблучков.

Когда мы, наконец, увидели желанное строение, мне показалось, что я достигла райских врат. Здание в три этажа из красного кирпича с тремя башенками, на которых когда-то красовались флюгера, в Интернете именуемое то замком, то усадьбой, поразило мое воображение. Ворота, правда, были покрыты ржавчиной, а само здание местами – копотью. Ида сказала, что в Интернете оно выглядело гораздо лучше, но отступить было уже поздно, тем более, что возле замка нас уже ждал чернявый риелтор, полноватый, но очень юркий. Он быстро вбежал по полуразрушенным ступеням, и открыл перед нами тяжелую железную дверь.

Едва мы переступили порог, на меня дохнуло холодом, и я почувствовала запах плесени и мышиного помета. Замок не слишком поразил мое воображение, но риелтор очень напирал на старину и экзотику, так что я почти уже согласилась его приобрести. Единственное, что меня смущало – привидение. Когда я о нем заикнулась, риелтор отреагировал моментально.

– Не волнуйтесь, привидения тоже включены в стоимость. Всего по двести пятьдесят долларов каждое.

– А их что, ни одно? – удивилась я.

– Послушайте, господин хороший, – вмешалась Ида, – вы что, нас совсем за лохов держите? Где это видано, чтобы брали деньги за нечто несуществующее?

– Сударыня, – обиделся риелтор, – у нас солидная фирма, и мы не стали бы брать с вас деньги за всякую ерунду. Мы предлагаем вас замечательный старинный, замок, а вы торгуетесь. Какие привидения? Вы поживите здесь денек-другой, сами убедитесь, что я не вру. Очень вам рекомендую, тем более, что ремонт начат и несколько верхних комнат вполне пригодны для жилья.

Мы поднялись наверх, осмотрели отремонтированные комнаты, и я выбрала самую большую с камином. Риелтор позаботился о раскладушках и постельном белье, так что мы были вполне устроены на ночь. Все оставшееся время мы проблудили по заброшенному саду, вдыхая сентябрьский воздух и запах прелой листвы, а заодно прошлись и по окрестностям замка, где обнаружили маленький магазинчик с провизией, нижним бельем и средствами санобработки. Мы купили по длинной фланелевой сорочке, колбасу, консервы, а также пять свечей и немного хлорки, чтобы убить запах мышиного помета. Вернулись мы в замок, когда уже начинало смеркаться. Попробовали развести огонь в камине, но наши усилия не увенчались успехом, и мы чуть не задохнулись от дыма. Плюнув на тепло, мы хорошенько отужинали, и, надев сорочки, забрались под теплые одеяла. Света в замке пока не было, и делать все равно было нечего.

Тьма все больше и больше окутывала замок, когда же стало совсем темно, и сквозь дверь как бы просочилась полупрозрачная рука с длинными синими пальцами. Она все вытягивалась и вытягивалась, пока не достигла моей раскладушки. Тут я не выдержала и заорала, что есть мочи

– Рита, Рита, перестань орать! – рассерженная Ида трясла меня за плечо.

– Т-ты в-видела? – заикаясь, спросила я.

—Что?

– Рука, вся г-голубая?

– Голубыми бывают мужики, да и то не всегда, слава Богу. Я же тебе говорила, что нельзя так много есть на ночь. Теперь тебе снятся кошмары, и ты не даешь спать мне.

Окончательно придя в себя, я поняла, что не заметила, как заснула, и мне, в самом деле, приснился кошмар. В последнем не было ничего удивительного, потому что я все время думала о привидении. Убедившись, что мне ничего не грозит, я перевернулась на левый бок и на всякий случай укрылась одеялом с головой. Но только я стала дремать, как раздался душераздирающий стон, а затем последовало долгое чавканье. Я ущипнула себя за руку, чтобы убедиться, что не сплю.

– Ты слышала? – испуганно спросила я у Иды.

– Слышала, – мрачно констатировала она.

Чавканье повторилось опять, и я неуверенно поинтересовалась снова:

– Почему оно так чавкает?

– Наверное колбасу доедает, которую мы на завтрак оставили, сволочь!

Аделаида встала с раскладушки и подошла к окну. При свете луны в своей фланелевой сорочке до пят она и сама напоминала нечто потустороннее. В это время привидение перестало чавкать и начало бродить по замку, все ближе подходя к нашей двери. Я снова была готова заорать, но Ида зажала мне рот рукой.

– Тише. Пусть они думают, что мы спим, – прошептала она

– Кто они? – также шепотом ответила я.

– Это мы сейчас и выясним.

– Ты что, собираешься идти туда? – испугалась я.

– Не только собираюсь идти, но и хочу взять тебя с собой.

– Меня? Там темно, страшно и холодно. Я туда не хочу.

– Ты предпочитаешь остаться здесь одна?

Я замотала головой, потому что перспектива остаться одной в темной комнате не очень меня прельщала.

– Тогда заворачивайся в одеяло – и вперед.

Ида, показав пример, накинула на себя одеяло, зажгла свечу, и шагнула в темный коридор.

Глава седьмая. Продолжение сумасшедшей ночи

За дверью привидения мы не обнаружили, и как можно тише, чтобы его не спугнуть, стали красться вверх по лестнице на чердак. Ида была полностью уверена, что паранормал должен обитать именно там. Но тихо двигаться мне не удавалось, потому что от страха и холода у меня зуб на зуб не попадал, выбивая барабанную дробь.

– Перестань стучать зубами, – шикнула на меня Ида. – От твоего стука все привидения разбегутся.

Удачно миновав чердак, мы приоткрыли люк и оказались на крыше. Над нами было только утыканное звездами, как булавками, небо, а под нами —десятиметровая пропасть. И мы стояли над ней в длинных, белых фланелевых сорочках, и ветер рвал волосы на наших головах. Так прошло минут пятнадцать, в ходе которых я взидала на свои будущие владения как Наполеон на Москву. Так никого и не обнаружив, мы двинулись в обратном направлении: Ида впереди, а я сзади, на всякий случай, держась за ее одеяло. По дороге случилась небольшая неприятность: над нами пропорхала стая летучих мышей, и одна из них, а может быть и не одна, нагадила мне на голову. Поэтому пришлось потратить некоторое время на освобождение моей шевелюры от экскрементов.

В конце концов, мы страшно устали, проголодались, и решили немного подкрепиться, тем более что время для этого было очень подходящее – три часа ночи. К тому же, следовало доест колбасу, пока ее не слопал призрак. Когда мы находились всего в нескольких метрах от кухни, до нас снова донеслось чавканье. Не такое сильное, как раньше, но все-таки... Ида приоткрыла дверь и нашему взору предстала следующая картина. На подоконнике в призрачном лунном свете сидела кошка и самым наглым образом уминала нашу колбасу.

– А ну, тварь лохматая, брысь отсюда, – прикрикнула на нее Ида.

Животное зашипело на нас, презрительно мяукнуло, спрыгнуло с подоконника и исчезло, словно растворилось во тьме.

– Зачем ты ее прогнала, – упрекнула я Иду, – а если это и есть призрак? Она же нам потом житья не даст.

Мне почему-то вспомнился длинноносый Гоголь с его «Майской ночью или утопленницей».

– Перестань нести чепуху, – огрызнулась Ида. – Пусть убирается туда, откуда пришла, а колбасу мы сами доедим. Я не собираюсь голодать до утра.

И она с решительным видом бросила недоеденный кошкой кусок в окно, а оставшуюся палку разломилась и протянула мне половину. Не успели мы приступить к трапезе, как послышалось странное бормотание, на нас посыпалась штукатурка, и откуда-то сверху свалилось непонятного вида существо. Я успела только разглядеть блестящие глаза и длинную седую бороду.

– Дааааммавой!!! – заорала я, и для безопасности спряталась за Иду.

Существо, кажется, тоже растерялось, несколько раз присело и привстало, а затем пролепетало:

– Матушки-батюшки! И в самом деле, существуют! Силы нечистые! А я, дурак, не верил. Чур меня, чур.

Дальше существо стало бормотать что-то непонятное, при этом крестясь. Теперь я разглядела пришлое получше. Это был крепкий старичок, выглядевший лет на шестьдесят-семьдесят, хотя, если присмотреться, ему можно было дать и все сто.

На нем красовались блестящие при свете луны сапоги; на темную рубаху накинута была старая фуфайка, а на голову водружен картуз.

– Вы того, меня, девоньки, не трогайте. Я вас за это угощу. У меня что? У меня и выпить и закусить имеется. Не обижу. От старухи вчера припрятал. Думал, хоть выпью спокойно вдаль от ее глаз.

И он стал извлекать из потрепанной сумки всякую снедь, так что вскоре подоконник стал напоминать сказочную скатерть-самобранку, посреди которой возвышался литр самогона.

– Ну, девоньки, наливай! – уже довольно смело произнес мужичок, вытирая картузом пот с лысины. – Кто б сказал, что с покойницами выпивать стану, ни в жисть бы не поверил. Да нашему брату больше, все одно, деваться некуда.

Окинув взглядом угощение, мы не стали разбираться кто из нас покойник, а кто нет, и быстро принялись за картошку и пирожки. После второго одноразового стакана наш гость показался мне чрезвычайно милым человеком, а после третьего мы уже вместе горланили «По Дону гуляет» и «Ой, то ни вечер».

– Эх, красавицы, – говорил разомлевший старик. – Небось, несладко на том свете. Ни тебе поесть, ни попить. Вот помру, тоже буду сюда приходить. Авось, какая добрая душа оставит чего перекусить.

Мы не заметили, как на улице стало светать, и первые сельские петухи завели свою песню.

– Ну, девоньки, прощайте. Нехорошо будет, если старуха проснется, а меня не найдет. Ведь черт знает, что подумать может. Да и вам, наверное, пора восвояси.

Спасибочки за компанию.

Старичок вытащил несколько кирпичей из стены, залез в нее, и поставил кирпичи на место уже с другой стороны.

– Я что-то не поняла, он нас что, за покойниц принял? – спросила я у Иды, ища подтверждение собственным мыслям.

– Да какая разница, за кого он нас принял! Главное, что мы можем теперь спокойно лечь спать.

Но нашим надеждам хорошенько выспаться не суждено было сбыться, потому что вскоре мы услышали, как кто-то упорно колотил в дверь. На смартфоне не было еще и шести, и Ида прокляла тот день, когда уговорила меня ехать покупать недвижимость. Открывать идти пришлось мне, и, распахнув дубовую дверь, я обнаружила за ней весьма объемную женщину, которой можно было дать от тридцати до пятидесяти. Едва переступив порог, она бросилась на колени и завывала басом:

– Не погубите, бабоньки, выручайте милые. Пропадаю от антихриста моего, никакого сладу с ним нет.

На крики вышла еще сонная Ида, и, вытаращив глаза на пришлицу, сквозь зубы процедила:

– Это еще что за чучело?

– Да что ты, в самом деле, – одернула ее я. – Может у человека горе какое. Может, помощь нужна.

Я почти не сомневалась, что она пришла просить денег, но события повернулись совсем другой стороной.

– Бабоньки, дорогие вы мои. Выручайте, будьте ласковы. Совсем мой мужик сдурел. Пьет и пьет, Ирод. Работу бросил, из дома все тащит. Вы не думайте, я не задарма. И денег дам, и яиц вот принесла. Свеженькие, только что из-под курочек, – она поставила на пол корзину яиц. – Только выручьте. Мочи моей больше нет.

Я уж его и кодироваться водила, и по бабкам, да только толку – ноль.

Посетительница стала тяжело вздыхать, а я переводила недоуменный взгляд с нее на Иду и обратно. Ида понимала происходящее не лучше меня, и смотрела на нашу незваную гостью как на сумасшедшую.

– А что, собственно вы от нас хотите? – строго взглянув на женщину, произнесла она.

– Ну, уж я не знаю. Может зелье какое, может заговор, может еще что. Вам уж лучше знать.

– Почему вы решили, что мы сможем вам помочь? Поверьте, что зелья и заговоры совсем не в нашей компетенции.

– Да что вы зубы мне заговариваете? – стала возмущаться женщина. – Я ж не задарма прошу. Отблагодарю, как положено.

– Я же вам сказала, что мы не занимаемся подобного рода деятельностью. Вам нужно обратиться к колдунам, экстрасенсам там. Простите. Я не слишком хорошо разбираюсь в подобной иерархии, – стала объяснять Ида.

– А вы-то кто? – снова возмутилась женщина.

– Это не ваше дело.

– Не мое, конечно же не мое, – закипятилась просительница. Только что вы меня за дуру держите? Какая нормальная баба станет ночевать в таком страшном месте? Да у нас полсела видело, как вы после полуночи на крышу лазали, и там руками махали и всякие заклинания говорили. У нас после вашего выхода такой ветер поднялся. Просто жуть. Три дерева напрочь с корнями из земли выворотило, а на двух сарайчиках крышу снесло. Что вы на это скажете?

– Мы скажем, что если вы сейчас же не уберетесь отсюда вместе со своими яйцами, то мы нашьлем на вас ураган, и все ваше село, вместе со всеми местными сплетницами унесет в Сахару, или прямо на Бермуды, – начала закипать Ида, которой не дали спать.

После этого ее высказывания лицо посетительницы покраснело и стало похоже на редиску. Она попыталась что-то сказать, но не успела, потому что Ида заорала во все горло.

– Вооон!!! Немедленно пошла прочь, или я за себя не отвечаю!

Бедная женщина, подобрав корзину, опрометью бросилась бежать с такой скоростью, что ее вряд ли бы смог догнать искусный конькобежец. Когда она скрылась за углом, Аделаида мрачно констатировала.

– Рита, мы не станем покупать этот замок.

– Почему? – робко спросила я.

– Потому что это не замок, а сумасшедший дом. Ты хочешь жить в сумасшедшем доме?

Я немного подумала, вспомнила свое пребывание в психиатричке, а заодно ужасную ночь в замке и полностью с ней согласилась.

– Рита, мы не станем покупать замок. Мы купим тебе замечательную виллу на морском побережье и яхту. Белую парусную яхту. Ты согласна со мной, солнце мое?

Ида еще никогда не называла меня солнцем, и даже уже поэтому, я готова была согласиться на все. Я так устала и переволновалась, что становиться хозяйкой замка-вертепа у меня не было никакого желания.

– Но мы все-таки останемся еще на одну ночь. И черт меня возьми, я буду не я, если не узнаю, где собака зарыта, — решила Ида.

Я не очень хотела раскапывать собаку, потому, что считала это занятием неблагодарным, но мне пришлось уступить Иде. Мы улеглись спать. И как ни странно мне совсем не снились привидения. Мне во всех подробностях пригрезилась очередная глава моих записок, которая называлась *«О том, почему мужчины начали строить замки, и чем это закончилось»*.

В эпоху первых поселений, нужды в строительстве замков никто не испытывал. Обязанности были строго распределены. Женщины рожали детей, занимались хозяйством, мужчины добывали пищу, и, кажется, все всем были довольны. Только в один прекрасный день появились поэты, а вернее сказать лентяи, которые совершенно ничего не хотели делать. И от нечего делать они стали воспевать женскую красоту. Если раньше никому и в голову не приходило засматриваться на чужих жен, потому что они красивее их собственных, то благодаря поэтам, мужчины изменили свое мировоззрение, и из-за женских прелестей стали разгораться потасовки. Противники лупили друг друга, что есть мочи, стараясь заполучить

самую привлекательную представительницу противоположного пола. А получив ее, запирали под замок, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не сумел ею воспользоваться в их отсутствие.

Из-за женщин, как показывает история на примере той же Трои, разгорались войны, которые приводили к значительному сокращению населения на планете. И женщины требовались снова, чтобы продолжить воспроизводство рода. Поскольку каждый из мужчин хотел иметь здоровых и красивых детей, то женщин тоже нужно было вбирать здоровых и красивых. Опять начинались войны, опять погибало население... И так до бесконечности...

В далекой Севилье, где до сих пор успешно произрастают апельсины и каперсы, жил некий граф Альберто Доминго, в сорок лет воспламенивший неземной страстью к представительнице противоположного пола по имени Ампарелла. Своими подвигами он завоевал ее сердце, и, наконец, женился на ней. Но так и не успел воспользоваться ее прелестями, потому что в первую брачную ночь вынужден был уехать с небольшим войском, чтобы оградить свои владения от врагов. Вернувшись через полгода, он обнаружил верную жену в положении, и уже собиравшийся в расстройстве чувств зарубить ее и себя, но любящая супруга остановила его неумолимую руку.

– Милый, – произнесла она елевым голосом. Ни твоей, ни моей вины в этом нет. Едва ты покинул меня, в окно моей спальни влетел дракон и совершил надо мной насилие. Я ни в чем не виновата перед тобой.

Альберто заплакал, проклиная свою несчастную долю, и, целуя руки жены, спросил, что он может сделать, чтобы оградить ее от такой опасности.

– Счастье мое, – произнесла верная супруга, – построй высокую башню, чтобы я смогла укрыться в ней. И оставь только маленькое окошко, чтобы я смотрела в него, ожидая тебя.

Супруг так и сделал. Ровно три года он возводил башню из камня, а проклятый дракон не оставлял супругу, и она успела родить еще двоих детей. Водворив жену в башню, граф Доминго, наконец, успокоился, и отправился на очередную заварушку, в полной уверенности, что с этого момента, он будет обладать женой единолично. Но его расчеты оказались неверными. Вернувшись через год, он обнаружил еще одного новорожденного драконьего отпрыска.

– Ах, если бы ты знал, как тяжело мне терпеть пытки, которые совершает надо мной дракон, – рыдала Ампарелла. – Наверное, он обладает колдовскими чарами, что может беспрепятственно проникать в маленькое окошко. Лучшие убей меня, ибо я не в силах терпеть эти муки.

Муж поклялся, что лучше убьет ненавистного дракона, чем даст упасть хоть одному волосу с головы возлюбленной. Он возвел еще несколько башен, в каждую из них посадил по верному человеку, и повелел им стоять в ожидании дракона. А когда тот появится, тут же убить его. Верные люди стояли на страже каждую ночь, и один из них даже уверял, что слышал шелест крыльев чудовища, но уничтожить крылатого искусителя никому не удавалось. Между тем, по дому Альберто бегали уже восемь совершенно не похожих на него отпрысков, имеющих драконий аппетит.

Доминго продолжал возводить новые башни, стены, и строить подземные ходы, по которым его дражайшая половина могла бы уйти от дракона. И через тридцать лет на месте дома отважного рыцаря появился огромный неприступный замок, в который не мог проникнуть даже трехглавый дракон.

Дракон, в самом деле, сделав пятнадцать детишек, больше не появлялся, тем более, что прекрасной Ампарелле перевалило за сорок и она была неспособна к деторождению. Трагично, что к тому времени и супруг уже не в состоянии был исполнять свои прямые обязанности. Зато советовал всем рыцарям строить замки, дабы уберечь жен от недоброжелателей и драконов. Они охотно последовали его примеру. Но спустя несколько столетий прекратили это занятие, потому что в итоге такого строительства, были недоступны не только их жены, но и жены соседей, что многим не очень нравилось. Ведь, если у какого-нибудь доблест-

ного рыцаря в его отсутствие появиться младенец, то всегда можно переложить вину на какого-нибудь дракона, или на худой конец заезжего пилигрима, что было невозможно при наличии неприступного замка.

Глава восьмая. Тайна старого замка

Когда мы проснулись, солнце уже помахало на прощанье последним лучом. Мы доели снесь, оставшуюся от деда-домового, и принялись ждать ночи. Она почему-то не торопилась наступать, и чтобы хоть как-то скоротать время, мы стали бродить по замку, посыпая некоторые углы в комнатах хлоркой, чтобы не так воняло. Замок все тянулся и тянулся, и мы, пройдя с первого этажа на третий, порядком взмокли.

– Ид, давай, сядем куда-нибудь, а то у меня в пятках уже стрелять начало, – пожаловалась я.

– Терпи. Мы уже, наверное, целый километр намотали, так что немного осталось.

Комнаты были похожи одна на другую: покрытые плесенью, с обвалившейся штукатуркой. Во всех пахло сыростью и нищетой. Все-таки Ида права. Такой замок нам не нужен. Последняя комната, в которую мы вошли, имела довольно обжитой вид. Штукатурка, конечно старая и облупившаяся, но так чисто, уютно. Стояли даже старая кровать и шкаф, кажется, из натурального дуба, и поржавевший бочонок с водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.